

Гражданская война. Николай Щорс

УнечаOnline. История нашего края

Не успев выйти из войны мировой, Россия погрузилась в хаос другой войны, на этот раз гражданской – страшной и братоубийственной.

С этого момента настало время перейти к рассказу об одном из наиболее известных деятелей гражданской войны, чье имя неразрывно связано с историей нашего города. Изложенное ниже повествование о Щорсе будет довольно обширным и подробным, при этом, оно не всегда будет непосредственно связано с нашим краем. Однако, читателю, всерьез интересующемуся историей Унечи, нелишним будет знать подробную биографию человека, памятник которому стоит на одном из самых видных мест нашего города.

Итак, начнем...

Всем жителям Унечи хорошо известен памятник Николаю Щорсу, установленный напротив здания железнодорожного вокзала. В советские времена у его подножия школьников принимали в пионеры, а унечские молодожены давно включили его в традиционный маршрут свадебных автокортежей. Вместе с тем, далеко не все унечцы имеют представление о личности Щорса и лихих событиях времен революции и гражданской войны, навсегда вписавших имя этого человека в историю нашего города.

Николай Александрович Щорс родился в поселке Сновск Городнянского уезда Черниговской губернии. В некоторых источниках упоминается, что родиной Щорса является хутор Коржовка. В связи с этим следует отметить, что Сновск

как город появился на том месте, где издавна располагался хутор Коржовка. Учитывая, что фактически поселок Сновск на момент рождения Щорса включал в себя и хутор Коржовку, то указание последней в качестве малой родины Щорса не следует считать ошибкой.

Следует отметить, что в некоторых источниках встречаются сведения о том, что местом рождения Щорса является поселок Носовка Городнянского уезда Черниговской губернии (Городня – соседний со Сновском населенный пункт).

Отец Щорса, Александр Николаевич был выходцем из белорусских крестьян. В поисках лучшей доли он переехал из Минской губернии в маленький украинский поселок Сновск. Отсюда его забрали в армию. Вернувшись в Сновск, А.Н. Щорс, устроился работать в местное железнодорожное депо. В августе 1894 года он женился на своей землячке – Александре Михайловне Табельчук и в этом же году построил в Сновске собственный дом. Семью Табельчуков Щорс знал давно, т.к. ее глава – Михаил Табельчук – руководил артелью белорусов, работавших на Черниговщине, в состав которой одно время входил и Александр Щорс.

Мнения о национальности Щорса среди исследователей его биографии разделились. Чаще всего его называют украинцем - по месту рождения. Некоторые историки и публицисты, основываясь на том, что род Щорсов происходит из-под белорусских Корелич, где до сих пор существует деревня Щорсы, и что родители будущего начдива приехали в Северскую Украину из Белоруссии, полагают, что Щорс по национальности, соответственно, тоже был белорусом.

Более же древняя история семьи Щорсов, якобы, уходит корнями в Сербию или Хорватию, откуда далекие предки начдива, спасаясь от османского гнета, через Карпаты пришли в Белоруссию примерно в середине 18 века.

В 1895 году в семье молодой четы Щорсов родился первый ребенок – Николай, названный в честь деда. После него на свет появились брат Константин (1896-1979) и сестры: Акулина (1898-1937), Екатерина (1900-1984) и Ольга (1900-1985).

Николай Щорс быстро выучился грамоте – в шесть лет он уже умел сносно читать и писать. В 1905 году он поступил в церковно-приходскую школу, а спустя год в семье Щорсов случилось большое горе – будучи беременной шестым ребенком, умерла от кровотечения мать. Это случилось, когда она находилась на родине, в Столбцах (совр. Минская область). Там же ее и похоронили.

Спустя полгода после смерти жены, глава семейства Щорсов вторично вступил в брак. Новой его избранницей стала Мария Константиновна Подбело. От этого брака у нашего героя Николая появились два сводных брата - Григорий и Борис, и три сводных сестры - Зинаида, Раиса и Лидия.

В 1909 году Николай Щорс закончил школу и, повинувшись желанию продолжить обучение, в следующем году вместе с братом Константином поступил в Киевскую военно-фельдшерскую школу, учащиеся которой находились на полном государственном обеспечении. Учился Щорс добросовестно и спустя четыре года с дипломом медицинского фельдшера покинул стены учебного заведения. После учебы Николай попал по распределению в войска Виленского военного округа, который с началом первой мировой войны стал прифронтовым. В составе 3-го легкого артиллерийского дивизиона Щорс был отправлен под Вильно, где в одном из боев получил ранение и был отправлен на лечение. После выздоровления Николай Щорс поступил в Виленское военное училище, которое на тот момент было временно эвакуировано в Полтаву.

Весьма любопытными и до конца невыясненными обстоятельствами обставлена предыстория этого поступления. Как известно, из стен Киевского военно-фельдшерского училища Щорс вышел в статусе вольноопределяющегося 2-го разряда, который не давал ему права служить в армии офицером, чего сам Щорс, видимо, очень желал. Вся проблема состояла в том, что после выхода из стен училища, Щорс был обязан отслужить не менее трех лет фельдшером. Щорс, напомним, окончил училище в 1914 году. Тогда же, как утверждает в ряде источников, он, дабы избежать обязательной трехлетней фельдшерской службы, решает на фальсификацию и переправляет в своем дипломе (свидетельстве) дату окончания фельдшерской школы с 1914 на 1912 год, что дает ему право уже в 1915 году освободиться от статуса вольноопределяющегося.

В архивах Унечского музея имеется электронная копия этого свидетельства, из которого действительно следует, что Щорс поступил в школу 15 августа 1910 года и окончил ее в июне 1912 года. Однако, цифра «2» выполнена несколько неестественно и очень похоже на то, что она действительно была переправлена с четверки.

Так или иначе, но в 1915 году Щорс был уже среди курсантов Виленского военного училища, где унтер-офицеров и прапорщиков в связи с военным положением стали готовить по укороченной четырехмесячной программе.

В этом месте следует остановиться и внести ясность по поводу еще одного расхожего мнения, касающегося биографии Щорса. Так, во многих публикациях встречается утверждение о том, что Щорс с юношества желал стать священником. Вероятнее всего, это мнение основывается на свидетельстве об окончании Щорсом Полтавской духовной семинарии. Свидетельство это датируется мартом 1915 года и в нем указан срок обучения Щорса - с сентября 1911 по март 1915 (сведения из архива Унечского краеведческого музея). Вместе с тем, достоверно известно, что Щорс с 1910 по 1914 годы обучался в Киевской военно-фельдшерской школе. Таким образом, налицо явное несоответствие, из которого с высокой степенью вероятности можно сделать вывод о том, что Щорс не заканчивал духовной семинарии и, вероятно, никогда в ней не учился, а свидетельство о ее окончании - липовое. В пользу этой версии может свидетельствовать тот факт, что в августе 1918 года Щорс, подавая документы для поступления на медицинский факультет Московского университета, в числе прочих бумаг, представил и свидетельство об окончании Полтавской семинарии, которое, в отличие от свидетельства об окончании 4-х классов фельдшерской школы, давало право поступления в ВУЗ.

Свидетельство это, копия которого также имеется в унечском музее, очевидно, было выправлено Щорсом как раз для представления в Московский университет.

В 1916 году Щорс успешно окончил курс военного училища и в звании прапорщика отбыл в тыловые войска в Симбирск.

С пребыванием Щорса в Симбирске связана одна история из его личной жизни. Биографам начдива удалось выяснить, что в городе на Волге у Щорса был непродолжительный роман с женщиной, которую звали Вера Александровна Башкирова. О последней известно, что она была гувернанткой детей местного губернатора Барановского. Сохранилась частная переписка между Щорсом и Башкировой.

Офицер Русской Императорской армии Н. Щорс

Осенью 1916 года молодого офицера переводят на службу в 335-й Анапский полк 84-й пехотной дивизии Юго-Западного фронта, где Щорс дослужился до звания подпоручика. Однако, в конце 1917 года его недолгая военная карьера резко оборвалась. Подвело здоровье – Щорс заболел (предположительно туберкулезом) и после непродолжительного лечения в Симферополе в конце декабря 1917 года его комиссовали в связи с непригодностью к дальнейшей службе.

Оказавшись не у дел, Щорс в начале 1918 года принимает решение вернуться на родину. Предположительное время его возвращения в Сновск – январь 1918 года.

К этому времени в стране произошли колоссальные перемены. В феврале 1917 года пала монархия, а в октябре власть была уже в руках у большевиков. А в Украине в это же время была провозглашена независимая Украинская Народная Республика. Начался тревожный 1918 год.

Примерно с весны 1918 года начинается период, навсегда связавший имя Щорса с нашим городом. Наиболее часто сочетание «Щорс-Унеча» упоминается в исторических публикациях в связи с созданием в нашем городе советского воинского подразделения, которое возглавил Николай Щорс. В историю оно вошло под именем Богунского полка.

Ранней весной 1918 года многие украинские губернии находились в пределах провозглашенной Украинской Народной Республики (УНР), а фактически же - под властью немецких оккупационных войск, которые присутствовали в Украине с согласия Центральной Рады. Однако, далеко не все жители Украины приветствовали нахождение немцев на территории страны. Напротив, значительное число украинцев, особенно из числа тех, кто еще недавно сражался с немцами в окопах, видели в них врагов и оккупантов.

Для борьбы с немцами на оккупированных и близлежащих территориях формировались повстанческие партизанские отряды. Один из таких отрядов был образован в марте 1918 года в селе Семеновка Новозыбковского уезда Черниговской губернии. Командиром этого отряда был избран молодой Николай Щорс. В этом году ему исполнилось всего 23 года, но, несмотря на юный возраст, Щорс к этому времени уже имел боевой опыт, приобретенный на полях первой мировой войны. Кроме того, по воспоминаниям современников, Щорс обладал всеми необходимыми качествами: жесткостью, напористостью, смелостью и инициативностью. В Семеновку Щорс прибыл ориентировочно в конце февраля 1918 года вместе с группой своих земляков, с тем, чтобы присоединиться к уже созданному здесь красногвардейскому повстанческому отряду. Существует также версия, что Щорс бежал в Семеновку, опасаясь преследований со стороны гетманских войск за свое офицерское прошлое. Так или иначе, но, оказавшись в Семеновке, Щорс примкнул к повстанческому отряду и был избран его командиром. Составлялись такие отряды из самого разношерстного люда, среди которого было немало вчерашних фронтовиков, к числу которых относился и Щорс. Если попытаться как-то определить, что представлял собой отряд Щорса, то он, по сути своей, был стихийной военизированной командой партизанского толка, близкой к большевистскому движению. Вообще, подобного рода отряды во главе с «полевыми командирами» в те годы в Украине появлялись как грибы после дождя. Действия этих отрядов находили немалую поддержку среди населения Украины.

Однако, утверждать, что все украинцы рассматривали деятельность повстанческих отрядов как освободительную не стоит. В те годы карта политических предпочтений жителей Украины была раскрашена очень пестро. Поэтому, вряд ли мы ошибемся, если скажем, что значительная часть украинского общества видела в немцах вовсе не оккупантов, а союзников, гарантирующих защиту от большевиков. Во многом такому восприятию способствовали предшествовавшие жестокие действия войск под командованием В.А. Антонова-Овсеенко и М.А. Муравьева, которые прошли по Украине в конце 1917 года. Впрочем, градус враждебности населения к большевикам в разных областях Украины мог отличаться кардинально. В частности, наш регион, т.е. северные уезды Черниговщины, по отношению к большевикам был настроен в целом лояльно, или как минимум нейтрально.

Основной задачей, которую ставил перед собой отряд, была борьба против немецких оккупантов с использованием тактики партизанской войны. Весной 1918 года отряд Щорса, насчитывающий примерно 300-350 человек, выдвинулся в район поселка Злынка, где вступил в локальные стычки с отрядами немецкого генерала Гофмана. Однако, потерпев неудачу, Щорс отступил на восток в направлении станции Унеча. Немцы продолжили наступать тем же курсом, параллельно железнодорожной магистрали Гомель-Брянск. В первой половине апреля 1918 года они успели захватить Новозыбков, Клинцы и остановились на рубеже Кустичи Бряновы-Лыщичи-Робчик, т.е., практически под самой Унечей, где к этому времени, как известно, пролегла приграничная демаркационная линия. Щорс со своим отрядом прибыл на станцию Унеча, которая к тому времени находилась на территории, контролируемой Советской Россией (хотя формальный статус этого района еще не был определен). Судя по всему, это было его первое знакомство с Унечей. И не только с Унечей. На станции в это время всеми делами заправляла небезызвестная Фрума Хайкина – сотрудница местной ЧК, ставшая самой большой любовью в жизни Щорса. Речь о ней пойдет ниже.

Тем временем, в Украине прекратили свое существование Центральная Рада и УНР, ликвидированные немцами. Под протекторатом последних власть перешла к «гетману всея Украины» П.П. Скоропадскому (1873-1945). В апреле 1918 года между большевиками и новым гетманским правительством было заключено перемирие, согласно условиям которого все украинские формирования, оказавшиеся на территории Советской России, включая отряд Щорса, были распущены.

Как мы уже говорили, в 1917-1918 годах украинское общество в плане политических симпатий было очень разношерстным. Многие относились к подступавшему с севера большевизму откровенно враждебно. Однако же, далеко не все население Украины поддерживало правительство УНР и националистов. Велико было и количество сторонников советской власти. В отдельных районах большую популярность имели доморощенные «бабки», классическим примером которых является знаменитый Нестор Махно, провозгласивший у себя на малой родине Гуляйпольскую вольную республику.

Каких политических убеждений в те годы придерживался молодой Щорс и как он воспринял Октябрьскую революцию – однозначно сказать сложно. Советская историография старалась жестко вписать Щорса с самого начала его деятельности в русло большевистской идеологии. Однако же, под красные знамена он, видимо, встал не сразу. Есть мнение, что Щорс летом 1918 года каким-то образом оказался в рядах левых эсеров и находился в Курском левозесеровском полку, однако после известного июльского мятежа отмежевался от этой политической силы. Однако, документального подтверждения этому факту не имеется. Косвенным подтверждением связи Щорса с левыми эсерами может также служить его близкое знакомство с братьями Лугинцами, которые ранее состояли в левозесеровской партии. В некоторых источниках встречаются утверждения, что Щорс был лично известен одному из лидеров левых эсеров - Марии Спиридоновой (1884-1941), которая даже приглашала его для участия в 5-м съезде Советов. Впрочем, следует сказать, что левые эсеры на тот момент по политическим взглядам были весьма близки к большевикам.

В мае-июне 1918 года Щорс прибыл в Москву. Вероятнее всего, именно с этого момента он начал тесно сотрудничать с большевиками. Есть мнение, что ключевым фактором, способствовавшим принятию Щорсом решения примкнуть к большевикам, оказалось влияние чекистки Фрумы Хайкиной. Что касается партийности самого Щорса, то о его принадлежности к ВКП(б) можно говорить лишь предположительно, поскольку достоверных сведений о том, что он официально вступил в организацию большевиков, не имеется.

Итак, после расформирования повстанческого отряда, предположительно в мае 1918 года, Щорс направляется из Унечи в Москву, где по некоторым данным он был на приеме у самого Ленина. В частности, об этом впоследствии вспоминал близкий соратник Щорса Казимир Квятек (1888-1938), о котором речь пойдет ниже. Об этой встрече также упоминают некоторые биографы Щорса и бывшие бойцы-богунцы. Однако, из каких источников взялась информация о встрече тогда никому еще не известного Щорса с Лениным, мы не знаем, поэтому сей «факт» из его биографии следует поставить под сомнение. Вполне вероятно, что Щорс летом 1918 года мог присутствовать в Москве на каком-нибудь политическом съезде, где выступал Ленин. Не исключено, что это был 5-й съезд Советов, на котором Щорс мог присутствовать в составе фракции левых эсеров. В частности, об этом упоминает в своих дневниковых записях Петренко-Петриковский (подробнее о нем см. ниже) со ссылкой на бывшего политкомиссара 1-й дивизии Исаковича. Не исключено, что впоследствии этот факт, в условиях всеобщей пропаганды революционного образа Щорса, мог трансформироваться во «встречу с Лениным». Впрочем, ничего удивительного в возможной встрече Щорса с Лениным, даже если она и имела место, нет. Мы знаем, что в те годы лидер большевиков вел очень активную политическую деятельность и лично общался с самым разнообразным контингентом.

В целом, промежуток времени между отъездом Щорса из Унечи и его возвращением сюда в сентябре 1918 года, не очень тщательно изучен и вызывает много вопросов. В частности, спорным является такой факт из биографии Щорса, как его нахождение летом 1918 года на Восточном фронте, в частности, в Поволжье. Авторы некоторых публикаций утверждают, что в мае-июле 1918 года Щорс занимался организацией партизанского революционного движения в Сибирской и Самарской губерниях, где был известен под псевдонимом Тимофеев и якобы, едва не был расстрелян

белогвардейцами. Появление Щорса на востоке также могло быть связано с его «левоэсеровским опытом» (предполагаемым). Так, после подавления московского мятежа левых эсеров, многие из членов этой организации бежали на Восточный фронт к Михаилу Артемьевичу Муравьеву (1880-1918) – известному левоэсерскому деятелю, на тот момент главнокомандующему Восточным фронтом. Муравьев, как известно, выступил против большевиков и в июле 1918 года поднял против них мятеж в Симбирске. Вскоре мятеж был подавлен, а сам Муравьев убит при аресте.

Так, или иначе, но достоверными сведениями об участии Щорса в поволжских событиях лета 1918 года, мы не располагаем.

Зато совершенно бесспорным является тот факт, что в первой половине сентября 1918 года Щорс по предписанию Центрального ВРК прибыл на пограничную станцию Унеча, имея задачу сформировать здесь полноценное воинское подразделение из множества уже существовавших в регионе партизанских и красногвардейских отрядов.

По условиям Брестского мирного договора, между оккупированной кайзеровскими войсками Украиной и Советской Россией была установлена нейтральная полоса. Как раз немного западнее Унечи проходил один из ее участков. Так, расположенное неподалеку от Унечи село Лыщичи находилось уже в зоне немецкой оккупации. Именно в эту прифронтовую полосу в сентябре 1918 года и был направлен Николай Щорс.

Днем рождения щорсовского полка считается 11 сентября 1918 года, поскольку именно в этот день на общем собрании решался вопрос о выборе имени подразделения. Как известно, полк был назван Богунским – в честь Ивана Богуна – казачьего полковника времен Хмельниччины.

Богунский полк был сформирован из уже существующих повстанческих групп и отрядов, которые со всех сторон стекались в Унечу, а также из местных жителей-добровольцев.

Руководство Богунского полка. 1918 год

Примерно в это же время под Новгородом-Северским был сформирован полк под командованием Тимофея Викторовича Черняка (1891-1919), а под Киевом – Таращанский полк, командиром которого стал Василий Назарович Боженко (1871-1919). Помимо этого, в Нежине была сформирована отдельная рота, которая впоследствии была преобразована в отдельный Нежинский полк. 22 сентября 1918 года приказом Всеукраинского Центрального ВРК все эти подразделения были сведены воедино, образовав Первую Украинскую Советскую дивизию, командиром которой был назначен бывший подполковник царской армии, уроженец Нежинского уезда, Николай Григорьевич Крапивянский (1889-1948).

Тимофей Черняк

В это же время весьма активную деятельность по организации повстанческой деятельности на Черниговщине проводил уроженец Нежинского уезда Михаил Петрович Кирпонос (1892-1941) – будущий знаменитый военачальник, погибший в первый год Великой Отечественной войны. По некоторым данным, осенью 1918 года М.П. Кирпонос с одним из отрядов вошел в состав 1-й Украинской повстанческой дивизии, после этого некоторое время был комендантом Стародуба, где занимался формированием советских воинских подразделений.

В апреле-июне 1918 года в подавлении контрреволюционных выступлений в районе Унечи принимал участие Константин Константинович Рокоссовский (1896-1968) – будущий легендарный советский маршал, а на тот момент – помощник начальника Каргопольского красногвардейского кавалерийского отряда, действовавшего в районе Унечи, Хутора-Михайловского и Конотопа. Этот отряд был сформирован в декабре 1917 года из солдат 5-го драгунского Каргопольского полка, пожелавших записаться в Красную Армию. В их числе оказался и Константин Рокоссовский. К слову, 5-й драгунский Каргопольский отряд в свое время был сформирован на основе драгунского полка генерала Гудовича – нашего земляка. До переброски в район Унечи, Каргопольский отряд выполнял задачи по «зачистке» территорий в районе Вологды и Костромы. В конце марта 1918 года эшелон с каргопольцами прибыл в Брянск, откуда они выдвинулись на юго-запад, в район нейтральной полосы. Здесь Каргопольский отряд пробыл до начала июня 1918 года, после чего был спешно переброшен на Урал.

Константин Рокоссовский

Однако, на этом список известных личностей, участвовавших в событиях 1918 года близ нашего города, не ограничивается. Среди других известных деятелей времен революции и гражданской войны, отметившихся активностью в нашем регионе, назовем Виталия Марковича Примакова (1897-1937) – знаменитого комкора, репрессированного в 1937 году. В годы гражданской войны Примаков командовал кавалерийской бригадой, дивизией и конным корпусом Червоного казачества. В 1918 году Примаков участвовал в организации повстанческого движения в нейтральной полосе под Унечей. Отметим, что он, как и многие другие, действующие в годы революции и гражданской войны на территории нашего региона лица, оказался здесь не случайно. Примаков был уроженцем Семеновки и соответственно, хорошо знал Северную Черниговщину. Под руководством Примакова в январе 1918 года из добровольцев был сформирован 1-й полк Червоного казачества, который дислоцировался в течение двух месяцев в Почепе. Этот полк стал вскоре бригадой, а затем был развернут в кавалерийскую дивизию. После гражданской войны В.М. Примаков находился на военно-дипломатической работе в Китае, Афганистане и Японии. В июне 1937 года был расстрелян по обвинению в военно-фашистском заговоре. Походил по одному делу вместе с М.Н. Тухачевским, И.Э. Якиром, И.П. Уборевичем. Любопытной деталью из личной жизни В.М. Примакова является его третий брак, который он заключил в июне 1930 года с Лилей Брик (1891-1978), более известной широким массам как

гражданская жена Маяковского.

В.М. Примаков

Интересующий нас в первую очередь Богунский полк под командованием Щорса, вошел в состав дивизии под третьим номером. К началу октября 1918 года личный состав полка насчитывал около 1000 человек. Часть бойцов была сформирована из местных добровольцев. Желающих вступить в ряды богунцев из числа жителей окрестных сел набралось немало. Впрочем, несмотря на большое количество желающих записаться в полк, вряд ли «мобилизация» была во всех случаях сугубо добровольным делом. Так, Е.Е. Малеев, автор повести «Василёвка, любовь моя...», писал на ее страницах следующее:

«...Летом 1918-го в Василёвке появился небольшой конный отряд, бойцы которого называли себя щорсовцами. Они силой забирали у крестьян продовольствие: хлеб, сало, пшено, масло; взяли несколько лучших лошадей и мобилизовали пять человек бывших фронтовиков, в числе которых был и Трофим, в рабоче-крестьянскую Красную армию...».

Вопрос достоверности изложенных Е.Е. Малеевым сведений остается открытым, поскольку источник осведомленности автора нам неизвестен. Вероятнее всего, Е.Е. Малеев воспроизводил события тех лет со слов местных старожил. Однако, будем объективны – вряд ли в деревнях и селах нашего региона выстраивались добровольные очереди из желающих бросить свои семьи и отправиться воевать «за советскую власть», о которой крестьяне имели самое смутное представление. Мобилизация в армию во все времена была делом принудительным. Поэтому, мы скорее поверим Е.Е. Малееву, а укоренившееся расхожее мнение о том, что Богунский полк был сформирован исключительно по принципу добровольного комплектования, поставим под сомнение.

Особенно много среди богунцев оказалось жителей Найтопович, Лыщич, Брянкустич, Рюхова. Большинство из них служили простыми бойцами, однако некоторые были назначены на руководящие должности. Так, жители Найтопович Ф.Н. Гавриченко (1892-1940) и Я.Б. Гасанов командовали в полку батальонами. Ф.Л. Михалдыко из Лыщич был политкомиссаром, его односельчанин Михаил Исакович Кожемяко (1893-?) - начальником конной разведки полка, Захар Семеньков из Найтопович служил начальником полкового оружейного склада.

Неравнодушным краеведам удалось собрать сведения о биографиях некоторых из этих людей.

Яков Борисович Гасанов - уроженец села Найтоповичи. Выходец из крестьянской семьи. Окончил три класса церковноприходской школы. До первой мировой жил в Найтоповичах, откуда был призван на службу в армию. Перед началом войны Гасанов был направлен в школу младшего командного состава, по окончании которой получил звание унтер-офицера и стал командиром взвода. В годы войны сражался на Варшавском фронте. За боевые заслуги был награжден четырьмя георгиевскими крестами - высшим солдатским орденом в Российской империи. В 1917 году Гасанов был произведен в офицерское звание поручика. Октябрьскую революцию он встретил в Москве, служа в 56-м запасном гренадерском полку. После октября 1917 года Гасанов встал на сторону большевиков и продолжил службу в Харькове. А затем вернулся на малую родину, где был назначен военным комиссаром Лыщичской волости Стародубского уезда. Весной 1918 года Гасанов участвовал в партизанском движении в районе демаркационной линии, после чего партизанский отряд, в котором он был командиром, присоединился к формируемому Щорсом в Унече Богунскому полку. В полку Я.Б. Гасанов стал командиром одного из батальонов и командовал им на протяжении долгих четырех лет. 12 ноября 1922 года по состоянию здоровья Яков Гасанов был демобилизован. В 1935 году Я.Б. Гасанов участвовал в съемках довженковского фильма о своем бывшем командире, помогая сценаристам восстанавливать картины боев. В фильме «Щорс» Гасанов поучаствовал и в качестве актера, сыграв самого себя. На гражданском поприще Яков Гасанов работал в системе потребкооперации, а затем в лесничестве, был секретарем сельсовета. Жил в Стародубе.

Яков Гасанов

О Михаиле Исаковиче Кожемяко известно, что еще в шестидесятые годы 20 века он был в здравии и жил в селе Пятовск Стародубского района.

Политкомиссар полка Федор Михалдыко был родом из лыщичских крестьян, в царской армии служил матросом.

Известно, что набор новых бойцов в свой полк Щорс проводил прямо на вокзале в Унече, где по этому поводу состоялся специальный митинг. Сегодня на здании железнодорожного вокзала в память об этом событии имеется мемориальная табличка.

Штаб Богунского полка в Унече располагался, по одним данным, в бывшем купеческом доме некоего Ландцмана на углу нынешних улиц Ленина и Луначарского. В 1934 году этот дом был отдан под квартиры работникам железнодорожной больницы и перенесен на то место, где сейчас находится железнодорожная аптека. Дом этот также известен тем, что в нем проводились съемки нескольких эпизодов знаменитого художественного фильма «Щорс». По другим данным штаб полка располагался в доме купца Иоффе, расположенном напротив дома Ландцмана, а в жилище последнего была квартира Щорса. Личный состав полка размещался в бараках на станции.

Итак, недостатка в людском пополнении полка не было. Однако же, оставляла желать лучшего материальная база подразделения. Многие богунцы вообще не имели форменного обмундирования и воевали, в чем придется. Так, в книге унечского краеведа А. Бовтунова «Узел славянской дружбы» говорится о том, что по всей Унече был расклеен приказ местного ревкома, который предписывал всему местному нетрудовому населению сдать в распоряжение полка в трехдневный срок 500 пар сапог.

Структура Богунского полка на начальном этапе его формирования была такой: в своем составе полк имел 3 батальона, артбатарею из трех орудий (командир - Никитенко), эскадрон кавалерии (командир - Божора) и пулеметную команду из более чем десяти пулеметов.

Параллельно с боевой организацией полка, в подразделении были созданы хозчасть и околодок (медчасть). Из числа командования, представителей политотдела полка и красноармейцев был создан полковой Реввоен трибунал. Из полкового политотдела в состав трибунала первоначально вошли Квятек, Лугинец и Зубов. Политотдел полка был специально создан для культурно-просветительной и политической работы. При отделе существовала вербовочная часть, которая имела связь с Украиной и переправляла туда пропагандистскую литературу и газеты на русском и немецком языках. Вербовочная часть полка руководила также выводом партизанских отрядов с Украины на советскую территорию.

К концу октября 1918 года формирование Богунского полка было практически завершено и Щорс решил опробовать своих бойцов в деле. 23 октября 1918 года первому батальону полка под командованием Якова Гасанова была поставлена задача освободить от немцев села Лыщичи и Кустичи Бряновы. Однако, задача эта не была выполнена. Видимо, регулярная германская армия оказалась богунцам, не имевшим артиллерийской поддержки, не по зубам. Здесь же богунцы понесли и первые потери. Так, Яков Гасанов впоследствии вспоминал, что в бою под Лыщичами погибли два бойца по фамилии Иванютин и Саница.

По сути, эта короткая стычка, была и остается единственным боевым столкновением богунцев с немецкими войсками. Хотя, в советские времена, явно преувеличивая, писали, как Щорс «беспощадно громил армию генерала Гофмана».

Станция Унеча в жизни Щорса стоит особняком не только потому, что здесь он начинал свой боевой путь. В нашем городе Щорс встретил свою судьбу. Звали ее Фрума Ефимовна Хайкина (1897-1977).

Эта неординарная женщина родилась 6 февраля 1897 года в Новозыбкове в семье служащего-еврея (в Новозыбкове

до революции проживала весьма крупная еврейская диаспора). Получила домашнее образование (в пределах двух классов), с детства осваивала мастерство портнихи, работала в мастерской.

Ф.Е. Хайкина

Практически с первых же дней октября 1917 года юная Хайкина примкнула к революционному движению и этот выбор определил всю ее дальнейшую судьбу.

Вскоре Хайкина поступила на службу в ЧК. В Унечу чекистка Хайкина прибыла из Брянска с отрядом китайцев и казахов, которые ранее работали на строительстве железной дороги и теперь, после революции, оказались не у дел. Основной ее задачей было наведение революционного порядка на приграничной станции. В это понятие входили такие мероприятия, как «надзор за контрреволюционной агитацией, местной буржуазией, неблагонадежными контрреволюционными элементами, кулаками, спекулянтами и прочими врагами Советской власти, принятие мер пресечения и предупреждения против врагов» (из Инструкции чрезвычайным комиссиям на местах 1918 года). Казахи и китайцы, о которых идет речь, были, вероятнее всего, членами особого вооруженного отряда, которые создавались при местных ЧК.

В Унече Хайкина возглавила местное подразделение ЧК (хотя документальных подтверждений того, что она была именно его руководителем не имеется). Унечская ЧК, учитывая положение нашей станции, имела, вероятно, статус пограничной чрезвычайной комиссии. По крайней мере, пункт 26 упомянутой выше инструкции гласил, что в местностях, расположенных в пограничной полосе, образуются пограничные ЧК, в местностях, расположенных по линии фронта, образуются армейские ЧК, первые борются только на границе, вторые — только в военной среде.

Впрочем, не исключено, что в рассматриваемый период в Унече могло быть сразу два, а то и три разных подразделения ЧК – внутреннее (местная), пограничное и центральное. Предположительно, одним из руководителей местных чрезвычайных комиссий был Валентин Андреевич Трифонов (1888-1938) - большевик со стажем, с марта 1917 года - секретарь большевистской фракции Петросовета, комиссар Васильевского острова. С октября 1917 года Трифонов - член Главного штаба Красной гвардии Петрограда. В январе-марте 1918 года был членом Всероссийской коллегии по организации и управлению Красной армией. Был чрезвычайным уполномоченным, формировал красноармейские отряды в Украине, на Донбассе и Урале. Расстрелян в 1938 году. Известный советский писатель Юрий Валентинович Трифонов (1925-1981) приходился ему сыном.

Среди прочих членов Унечской ЧК известно имя Николая Георгиевича Ханникова (1896-1948), который служил в Унече в конце 1918 – начале 1919 годов. Как выяснилось в ходе изучения биографии Н.Г. Ханникова, этот рядовой служащий унечской контрразведки в последующем сделал себе довольно успешную карьеру по линии госбезопасности. Отправной точкой в этой карьере для него стала маленькая станция Унеча – первое место службы Ханникова. После Унечи Ханников служил в Киевской губернской ЧК, в Особом отделе ВЧК Днепровской военной флотилии, Особом отделе ВЧК Морской экспедиционной дивизии, начальником Особого отдела ВЧК 9-й дивизии внутренней службы, помощником начальника Отдела Полномочного представительства ВЧК при СНК РСФСР по Крыму.

В 30-х годах Ханников служил на различных должностях в системе ОГПУ Украинской ССР, а затем в системе НКВД в различных регионах СССР. В годы войны Ханников служил на руководящих должностях в органах контрразведки Северо-Западного, Калининского и Прибалтийского фронтов. Последняя должность, которую занимал генерал-лейтенант Ханников вплоть до самой своей смерти - начальник 2-го управления 3-го главного управления Министерства государственной безопасности СССР. Возглавляемое Ханниковым 2-е управление курировало контрразведывательную деятельность на Военно-морском флоте СССР.

Н.Г. Ханников

Однако, вернемся, к Хайкиной. Помимо службы в ЧК, она одновременно являлась членом Унечского ревкома (высшего органа гражданской и военной власти) и была фактически первым лицом на станции и в ее ближайших окрестностях. Работы по выявлению «контры» на границе хватало: район был наводнен контрабандистами и разного рода сомнительными личностями. Помимо этого, в районе Унечи, вероятно, действовало немало агентов немецкой военной разведки, выявление и нейтрализация которых также входила в задачи местной ЧК. Кроме того, Унеча в тот период еще взяла на себя и функции пункта таможенного пропуска. Проверять на предмет контрабанды было кого, поскольку, поток выезжающих из Советской России был огромен. После Октябрьского переворота страну навсегда покидали десятки тысяч людей. Многие бежали в Украину и путь их зачастую проходил через Унечу. Эмигранты на свой страх и риск вывозили валюту и драгоценности, которые подлежали конфискации «в пользу трудового народа».

О результатах «таможенной» работы Унечской ЧК вспоминал местный старожил Л.Г. Кокотов (в Унече Кокотовы жили на улице Водокачечной, рядом со станцией):

«...Буйная торговля расцвела в Унече в те дни еще и потому, что советские органы, очевидно, поощряли этот приток продовольствия. Я сужу об этом потому, что в Унече действовал государственный обменный пункт, где за продовольствие можно было получить промышленные товары. Кстати, в Унече не было и заградительных отрядов, которые препятствовали деятельности спекулянтов и мешочников. Проходил через Унечу и поток буржуазии, стремившейся бежать из красной России. У нас ходили легенды. Говорили, что пробрался какой-то владелец крупных текстильных фабрик, который переоделся шарманщиком и в шарманке унес огромные ценности. Наш дом стоял напротив ЧК. Я неоднократно видел, как под охраной вооруженных людей во двор ЧК въезжала подвода с узлами, чемоданами, сундуками, задержанными при попытке нелегального перехода границы. Мы, конечно, при всех строгостях проникали во двор и были свидетелями происходящих обысков...».

К слову, автор этих воспоминаний, Линман Гришевич Кокотов (1903-?), спустя годы сам стал жертвой органов госбезопасности. В 1938 году, когда Кокотов уже жил в Красноярске и работал заместителем ответственного редактора газеты «Красноярский рабочий», он был арестован по делу зампреда Красноярского краевого исполкома М.Д. Горчаева (1886-1960) и обвинен по знаменитой 58-й статье УК РСФСР (антисоветская деятельность). Впрочем, Л.Г. Кокотову повезло и его дело прекратили в 1940 году по реабилитирующим основаниям. А вот его брат, тоже уроженец Унечи, Абрам Гришевич (1905-?) был арестован еще в августе 1921 года и его дальнейшая судьба неизвестна. А.Г. Кокотов был реабилитирован в 2003 году.

Уезжали из большевистской России не только жители столиц. Многие представители местных дворянских родов и купечества также были вынуждены эмигрировать. Судьба разбросала дворян северных уездов Черниговщины по всему свету. Например, бывший предводитель Мглинского дворянства Юрий Александрович Барановский уехал в Канаду.

Революция и гражданская война резали судьбы людей по живому. Зачастую, по разные стороны баррикад оказывались близкие родственники. Так, упоминавшийся нами Черниговский губернский комиссар Временного правительства Михаил Андреевич Искрицкий, после октября 1917 года эмигрировал во Францию. За границей он был избран первым председателем Русского эмигрантского комитета, состоял особым уполномоченным Российского общества Красного Креста. Скончался в 1931 году в Марселе. Эмигрировала из России также и его мать – Зинаида Сергеевна Искрицкая. Она жила в Германии и скончалась в 1937 году в Берлине.

А родной брат М.А. Искрицкого, уроженец села Далисичи Суражского уезда Евгений Андреевич Искрицкий (1874-1949), выпускник Николаевской Академии Генштаба, бывший генерал русской императорской армии, добровольно вступил в ряды РККА и вскоре получил под командование целую армию. Впрочем, дальнейшая его судьба сложилась незавидно. В конце 1918 года Е.А. Искрицкий, не желая воевать против своих соотечественников, отказался от службы в Красной Армии и ушел в отставку. В 20-х годах был принят на преподавательскую работу в Военно-политическую академию. Весной 1931 года был осужден по «контрреволюционной статье» к 10 годам лагерей. Часть срока отбыл на Соловках, откуда был досрочно освобожден в 1933 году. После выхода из лагеря поселился в Орле. Вторично Искрицкого арестовали в 1937 году и приговорили к 10 годам лишения свободы. На этот раз свой срок он отмотал «до звонка», выйдя на свободу лишь в 1947 году. После освобождения Е.А. Искрицкий был выслан на поселение в Казахстан, где и скончался в 1949 году в Чимкенте.

Е.А. Искрицкий

Прибывающие в Унечу пассажирские составы задерживались здесь на неопределенное время, до окончания всех погранично-таможенных мероприятий. Порой задержка составляла несколько дней. Случалось Унечской ЧК задерживать и известных людей. Таких например, как писателя Аркадия Аверченко (1881-1925) и его коллегу по сочинительскому цеху Надежду Тэффи (наст. фамилия Лохвицкая). Оба они впоследствии описали свои впечатления о пребывании в Унече и знакомстве с «хозяйкой станции» Хайкиной.

Аверченко в «Приятельском письме Ленину» описал свое пребывание в большевистской Унече в свойственной для него саркастической манере:

«...Ты тогда же отдал приказ задержать меня на ст. Зерново, но я совсем забыл тебе сказать перед отъездом, что поеду через Унечу. Не ожидал ты этого? Кстати, спасибо тебе. На Унече твои коммунисты приняли меня замечательно. Правда, комендант Унечи - знаменитая курсистка товарищ Хайкина сначала хотела меня расстрелять. - За что? - спросил я. - За то, что вы в своих фельетонах так ругали большевиков. Я ударил себя в грудь и вскричал обиженно: - А вы читали мои самые последние фельетоны? - Нет, не читала. - Вот то-то и оно! Так нечего и говорить! А что «нечего и говорить», я, признаться, и сам не знаю, потому что в последних фельетонах - ты прости, голубчик, за резкость - просто писал, что большевики - жулики, убийцы и маровихеры... Очевидно, тов. Хайкина не поняла меня, а я ее не разубеждал. Ну вот, братец ты мой - так я и жил. Выезжая из Унечи, я потребовал себе конвой, потому что надо было переезжать нейтральную зону, но это была самая странная нейтральная зона, которую мне только приходилось видеть в жизни. Потому что по одну сторону нейтральной зоны грабили только большевики, по другую только немцы, а в нейтральной зоне грабили и большевики, и немцы, и украинцы, и все вообще, кому не лень. Бог ее знает, почему она называлась нейтральной, эта зона. Большое тебе спасибо, голубчик Володя, за конвой - если эту твою Хайкину еще не убили, награди ее орденом Красного Знамени за мой счет...».

А вот, что запомнилось Надежде Тэффи (из «Воспоминаний»):

«Приехали на пограничную станцию (Унечу) вечером. Было холодно, хотелось спать. Что-то нас ждет? Скоро ли выпустят отсюда и как поедет дальше? Гуськин с Аверченкиным «псевдонимом» ушли на вокзал для переговоров и выяснения положения, строго наказав нам стоять и ждать. Ауспиции были тревожны. <...> Ждали долго. Наконец показался Гуськин. Не один. С ним четверо. Один из четырех кинулся вперед и подбежал к нам. <...> - Вы Тэффи? Вы Аверченко? Bravo, bravo и bravo. Перед вами комиссар искусств этого местечка. Запросы огромные. Вы, наши дорогие гости, остановитесь у нас и поможете мне организовать ряд концертов с вашими выступлениями, ряд спектаклей» <...> Вас никогда не пропустят через границу, если я об вас не попрошу специально. А почему я буду просить? Потому что вы отозвались на нужды нашего пролетариата. Тогда я смогу даже попросить, чтобы пропустили ваш багаж!.. Тут неожиданно выскочил Гуськин и захлопотал: — Господин комиссар. Ну конечно же, они соглашаются. <...>

— Стойте здесь. Мы сейчас все устроим! — воскликнул Робеспьер и побежал заметая следы бобрами. Три фигуры, очевидно, его свита, последовали за ним.

- Попали! В самое гнездо! Каждый день расстрелы... Три дня тому назад — сожгли живьем генерала (по распоряжению Хайкиной — в наказание за обнаруженные керенки, зашитые в подкладку, см. ниже). Багаж весь отбирают. Надо выкручиваться.

— Пожалуй, придется ехать назад, в Москву.

— Тсс!.. — шелестел Гуськин. — Они вас пустят в Москву, чтобы вы рассказали, как они вас ограбили? Так они вас не пустят! — с жутким ударением на «не» сказал он и замолчал.

Устроились.

Мне с актрисами дали отдельную комнату. Аверченку взял к себе заика, «псевдонимов» упрятали в какую-то кладовку. Дом был тихий. По комнатам бродила пожилая женщина, такая бледная, такая измученная, что, казалось, будто ходит она с закрытыми глазами. Кто-то еще шевелился на кухне, но в комнату не показывался: кажется, жена заика. Напоили нас чаем.

— Можно бы ве-э-э-тчины... — шепнул заика. — Пока светло...

— Нет, уже стемнело, — прошелестела в ответ старуха и закрыла глаза.

— М-ма-м-маша. А если без фонаря, а только спички...

— Иди, если не боишься.

Заика пожегся и остался. Что все это значит? Почему у них ветчину едят только днем? Спросить неловко. Вообще, спрашивать ни о чем нельзя. Самого простого вопроса хозяева пугаются и уклоняются от ответа. А когда одна из актрис спросила старуху, здесь ли ее муж, та в ужасе подняла дрожащую руку, тихо погрозила ей пальцем и долго молча всматривалась в черное окно. <...> Хозяйка принесла нам чаю, хлеба, ветчины. И шепотом: — Зять достал ее на рассвете. Она спрятана в сарае. Ночью, если пойти с фонарем, — донесут. А днем тоже увидят. Придут обыскивать. У нас каждый день обыски. <...>

Хозяйка уходит. Я приоткрываю дверь, подзываю Гуськина:

— Гуськин, скажите, все благополучно? Выпустят нас отсюда? — шепотом спрашиваю я.

— Улыбайтесь, ради бога, улыбайтесь, — шепчет Гуськин, растягивая рот в зверской улыбке, как «L'homme qui rit» — Улыбайтесь, когда разговариваете, может, кто, не дай бог, подсматривает. Обещали выпустить и дать охрану. Здесь начинается зона в сорок верст. Там грабят.

— Кто же грабит?

— Ха! Кто? Они же и грабят. Ну а если будут провожатые из самого главного пекла, так они таки побоятся. Одно скажу: мы должны отсюда завтра уехать. Иначе, ей-богу, я буду очень удивлен, если когда-нибудь увижу свою мамашу. Мысль была сложная, но явно неутешительная.

— Сегодня весь день сидите дома. Выходить не надо. Устали и репетируют. Все репетируют, и все устали.

— А вы не знаете, где сам хозяин?

— Точно не знаю. Или он расстрелян, или он бежал, или он здесь под полом сидит. А то чего они так боятся? Весь день, всю ночь двери и окна открыты. Отчего не смеют закрыть? Почему показывают, что ничего не прячут? Но чего нам с вами об этом думать? И чего об этом рассуждать? Что, нам за это заплатят? Дадут почетное гражданство? У них тут были дела, такие дела, которые пусть у нас не будут. Этот заикаться стал отчего? Три недели заикается. Так мы не хотим заикаться, мы лучше себе уедем с сундучками и с охраной.

— Не смотрите на меня, смотрите себе на дождик, — бормотал Гуськин. Огляделся, обернулся, успокоился и заговорил:

— Я таки кое-что узнал. Здесь главное лицо — комиссарша Х.

Он назвал звучную фамилию, напоминающую собачий лай (Хайкина/Хавкина).

— Х(айкина) — молодая девица, курсистка, не то телеграфистка — не знаю. Она здесь всё. Сумасшедшая — как говорится, ненормальная собака. Звер, — выговорил он с ужасом и с твердым знаком на конце. — Все ее слушаются. Она сама обыскивает, сама судит, сама расстреливает: сидит на крылечке, тут судит, тут и расстреливает. А когда ночью у насыпи [расстреливают], то это уже не она [там работал, как видно, ревком]. И ни в чем не стесняется. Я даже не могу при dame рассказать, я лучше расскажу одному господину Аверченке. Он писатель, так он сумеет как-нибудь в поэтической форме дать понять. Ну, одним словом, скажу, что самый простой красноармеец иногда от крылечка уходит куда-нибудь себе в сторонку. Ну, так вот, эта комиссарша никуда не отходит и никакого стеснения не признает. Так это же ужас!

Он оглянулся.

— Повернем немножечко в другую сторону.

— А что насчет нас слышно? — спросила я.

— Обещают отпустить. Только комиссарша еще не высказалась. Неделю тому назад проезжал генерал. Бумаги все в порядке. Стала обыскивать — нашла керенку: в лампасы себе зашил. Так она говорит: «На него патронов жалко тратить... Бейте прикладом». Ну, били. Спрашивает: «Еще жив?» «Ну, — говорят, — еще жив». «Так облейте керосином и подожгите». Облили и сожгли. Не смотрите на меня, смотрите на дождик... мы себе прогуливаемся. Сегодня утром одну фабрикантшу обыскивали. Много везла с собой. Деньги. Меха. Бриллианты. С ней приказчик ехал. А муж на Украине. К мужу ехала. Все отобрали. Буквально все. В одном платье осталась. Какая-то баба дала ей свой платок. Неизвестно еще, пропустят ее отсюда или... [Пропустили, только тяжело ранили штыком. см. ниже]. <...> [перед началом концерта] — Смотрите на эту, вон — в первом ряду, посередине... — шепчет Гуськин. — Это она. Коренастая, коротконогая девица, с сонным лицом, плоским, сплюсненным, будто прижала его к стеклу, смотрит. Клеенчатая куртка в ломчатых складках. Клеенчатая шапка.

- Какой звер! - с ужасом и твердым знаком шипит мне на ухо Гуськин.

«Зверь?» Не нахожу. Не понимаю. У нее ноги не хватают до полу. Сама широкая. Плоское лицо тускло, точно губкой провели по нему. Ничто не задерживает внимания. И нет глаз, нет бровей, нет рта - все смазано, сплыло. Ничего «инфернального». <...> Какие сонные глаза. <...> стала мутно и сонно глядеть <...>

[Отъезд] К нам подъезжают еще две телеги. В одной семейство с детьми и собаками. В другой — полулежит очень бледная женщина, закутанная в байковый платок. С ней мужчина в тулупе. Женщина, видно, тяжелобольная. Лицо совсем неподвижное, глаза смотрят в одну точку. Ее спутник бросает на нее быстрые, беспокойные взгляды и, видимо, старается, чтобы никто на нее не обратил внимания, закрывает ее собою от наших глаз, вертится около телеги.

— Ох, ох, ох! — говорит всезнающий Гуськин. — Это та самая фабрикантша, которую обобрали.

— Отчего же она такая страшная?

— Ей прокололи бок штыком. Ну, они делают вид, что она себе здорова и ни на что не жалуется, а сидит себе и весело едет на Украину. Так уж и мы будем им верить и пойдем себе к своим вещам <...>».

Анализируя эти мемуары, сложно сказать, чего в них больше — объективной констатации фактов или явного преувеличения, замешанного на язвительном желании продемонстрировать презрение к большевистскому режиму. Видимо и в этом случае истину следует искать где-то посередине.

К слову, Тэффи по просьбе местных властей выступала в Унече со своими рассказами в клубе-бараке, который располагался на улице Суражской (совр. улица Ленина). Впоследствии клуб переместился в залинейную часть города и носил имя Розы Люксембург.

Несмотря на явные перегибы в описаниях жестокости Хайкиной, мы вряд ли ошибемся, если предположим, что она все-таки была весьма жесткой дамой, к чему ее в первую очередь обязывала занимаемая должность руководителя ЧК.

Так, в книге «Мои Клинцы» (авторы П. Храмченко, Р. Перекрестов) есть такой отрывок:

«...после освобождения Клинцов от немцев и гайдамаков революционный порядок в посаде устанавливала жена Щорса – Фрума Хайкина (Щорс). Это была решительная и смелая женщина. Она разъезжала в седле на лошади, в кожаной куртке и кожаных штанах, с маузером на боку, который при случае пускала в дело. Ее называли в Клинцах «Хая в кожаных штанах». В ближайшие дни под ее началом выявили всех, кто сотрудничал с гайдамаками или сочувствовал им, а также бывших членов Союза Русского Народа (СРН) и расстреляли на Ореховке, на поляне за Горсадом. Несколько раз поляна обгалялась кровью врагов народа. Уничтожалась вся семья, не щадили даже подростков. Тела расстрелянных людей были похоронены слева от дороги на Вьюнку, где в те годы заканчивались дома посада. Так начиналась гражданская война!».

О жестокости Хайкиной известно не только по воспоминаниям Тэффи. Сохранились мемуары и прочих очевидцев событий того времени.

«По борьбе с контрреволюцией и белогвардейщиной внутри страны и разными врагами советской власти была создана Всероссийская Чрезвычайная комиссия (В.Ч.К.). Ее возглавил соратник и ученик В.И. Ленина Феликс Эдмундович Дзержинский. В городах и селах страны были организованы такие отряды. Их возглавляли самые смелые и решительные люди-коммунисты, которые были энтузиастами, честно выполняли свой долг перед Родиной. Таким представителем в Унечу была послана с отрядом Фрума Хайкина. В ее отряд кроме русских входили китайцы, казаки и другие народы разных национальностей, готовых защищать свою Родину и отдать за нее, если потребуется и жизнь. Китайцы, казахи, киргизы были согнаны Временным правительством на строительство и восстановление железных дорог и под революционным настроением перешли на защиту советской власти. Фрума Хайкина небольшого роста, черненькая, худенькая - смелый и энергичный командир - гроза буржуазии. Она жестоко расправлялась с врагами советской власти. Достаточно ей узнать чуждое настроение белогвардейца или буржуа-эксплуататора: «Расстрел!» - приказывала Фрума. И китайцы эту миссию выполняли безотступно.»

Если отбросить от всего этого ура-революционный пафос, то вырисовывается образ весьма жесткой, бескомпромиссной и склонной к произволу начальницы. Этакий местного разлива Мартын Лацис в юбке. Однако, с выводами о чрезмерной кровожадности или, как пишут в отдельных источниках, «патологическом садизме» Хайкиной спешить не стоит. Нам лично не довелось быть свидетелями событий того времени, а всевозможные мемуары и воспоминания зачастую имеют исключительно субъективный характер, а иногда и вовсе бывают неправдоподобны. Впрочем, даже если сведения о чрезмерной жестокости Хайкиной и верны, удивляться этому не стоит. Следует помнить, что Хайкина возглавляла подразделение ЧК – организацию, от которой, в условиях жесткой борьбы за власть, высшее партийное руководство требовало беспощадно подавлять любые проявления нелояльности к «завоеваниям революции». Практически неограниченные полномочия казнить и миловать, помноженные на личные амбиции местных начальников-чекистов – все это просто не могло не обернуться насилием, произволом и несправедливостью со стороны борцов с контрреволюцией. В те годы чекисты массово казнили «контрреволюционеров» без суда и следствия по всей стране. Очевидно, что Унечская ЧК и ее руководитель Ф.Е. Хайкина, не могли быть исключением из общего правила.

В рукописи «Воспоминание железнодорожника ст. Унеча Зап. ж.д. Ф.Т. Васеко» о Хайкиной говорится:

«После оккупации Украины немцами и наступления их от Гомеля до ст. Клинцы и разъезда Песчаники в Унечу стали стекаться для отражения отряды красногвардейцев. Унеча стала ареной борьбы. Ввиду близости фронта стали появляться переодетые офицера и генералы для эмиграции, каковых до 200 человек было расстреляно. В то же время в Унече появилась с отрядом китайцев некто Хайкина каковая своими суровыми мерами навела страх не только на спекулянтов и эмигрантов но и на Богунский полк красногвардейцев (многих из солдат расстреляла). Каковые восстали и желая убить ее и китайцев, но она бросив бомбу в отряд солдат бежала».

Это повествование о восстании солдат против Хайкиной, вероятно, относится к событиям сентября 1918 года, когда в Богунском полку вспыхнул мятеж, подавленный Щорсом. Наверняка, Хайкина, как глава местной ЧК принимала в подавлении мятежа самое активное участие, что еще больше сблизило ее со Щорсом.

Местный житель В.Г. Шпиньков, со ссылкой на своего отца, служившего в Богунском полку, утверждал, что непосредственной причиной мятежа была как раз именно Хайкина, которая со слов Шпинькова чинила в ЧК «зверства» и «безбожно расстреливала».

Поздней осенью 1918 года, когда немецкие войска начали отходить на запад, Хайкина, уже в «статусе» жены комполка, последовала за Щорсом, занимаясь «наведением революционного порядка» на территориях, освобождавшихся от немцев.

В начале осени 1918 года в газетах гетманской Украины появилось сообщение о том, что «Рая Хавкина», глава «Унечинской ЧК», поймана и повешена в Новозыбкове немцами. В сентябре - октябре 1918 года известный публицист Владимир Амфитеатров-Кадашев (1888-1942), живший в то время в Харькове, записывает в своем дневнике и это сообщение, и собранные им истории о Хайкиной вообще:

«В газетах сообщение немецкого командования о том, что в Новозыбкове по приговору военно-полевого суда повешена Рая Хавкина, 22-х лет, - за шпионство. Погибла личность примечательная; сожаления, однако, ее смерть не вызывает, так как виселица, несомненно, наилучшая награда ее талантам. Хавкина занимала пост пограничного комиссара Чрезвычайки в Унече и отличалась 1) свирепостью, 2) честностью: она не присваивала себе ограбленных с проезжающих вещей, но, собрав достаточную их толику, отвезла в Москву и повергла к стопам Ленина (это было

незадолго до покушения Каплан). В Москве были так удивлены, что долго не хотели верить: еще бы, нашлась честная чекистка! Свиристость Хавкиной при допросах лиц подозрительных достигла невероятных размеров: она, например, делала бритвой надрезы на теле допрашиваемых и поливала эти царапины одеколоном. В Харькове сейчас живет одна дама, сын которой, 13-летний мальчик, до сих пор, хотя уже более месяца прошло с тех пор, как она в Харькове, не может оправиться от последствий хавкинского обращения. Перед отъездом из Москвы на вокзал кто-то из провожающих привез этому мальчику небольшую французскую записку от его старой гувернантки. В записке не было ничего, кроме нескольких ласковых слов. Мальчик прочел записку и спрятал в сапог, забыв даже о ней. На границе в Унече им сначала повезло: Хавкина была в добром настроении и выпустила их почти без осмотра. Но, к несчастью, в последний момент она заметила листок, торчащий из голенища у мальчика. Заинтересовавшись, Хавкина извлекла листок и, так как по-французски не разумея, потребовала перевода. Мать мальчика перевела. Но так как никто из большевиков, по незнанию языка, не мог подтвердить перевода, то Хавкина велела арестовать и даму и мальчика, а вечером на допросе потребовала настоящего перевода. Дама клялась и божилась, что перевод верный, Хавкина не верила и грозила «своими мерами», то есть пыткой. Так как дама, при всем желании, не могла убедить злодейку, то в результате началась пытка, утонченная и гнусная. Понимая, что мучение сына для матери будет тяжелее, чем самые горшие страдания, Хавкина, приказав крепко держать несчастную женщину, велела растянуть мальчика на скамье и пороть. Тщетно билась и умоляла о пощаде несчастная мать - мальчика беспощадно секли розгами, а потом сама Хавкина, в садистическом безумии, хрипло выкрикивая какие-то слова, с горящими глазами схватила тяжелую плеть и принялась стегать окровавленное тело мальчика. Насколько безжалостна была порка, показывает то, что после ее окончания голенища сапог несчастного мальчика были полны кровью. На другой день повторилось то же самое - мальчика секли на глазах матери, пока он не лишился чувств (между прочим, мальчик был крепкий, здоровый, сильный). На третий день Хавкина, призвав несчастных страдальцев, объявила, что, если они не дадут «настоящего перевода», она прикажет сечь мальчика шомполами, пока его не заперют насмерть, а потом велит расстрелять мать. Нервы матери не выдержали, она упала в обморок. Это и спасло их. Пока ее приводили в чувство, в комнату, где происходила расправа, явилась другая чекистка, подруга Хавкиной, до сих пор отсутствовавшая. Случайно оказалось, что она знает французский. Хавкина дала ей записку, она подтвердила правильность перевода - и Хавкина, не без раздражения, распорядилась освободить страдальцев. Но положение несчастной дамы было все-таки невыносимо: у нее отобрали все вещи и все деньги, - и она осталась на улице Унечи с сыном, который после истязания не мог сделать ни шагу. К тому же тревожила, мучила мысль: а вдруг Хавкина опять переменит милость на гнев и снова велит арестовать, для новых мук. Необходимо было бежать, а как убежишь? По счастью, нашелся добрый человек, еврей, который, сжалившись над несчастными, украдкой на подводе перевез их на немецкую сторону. Этот случай мне рассказала молоденькая актрисочка, сама побывавшая в лапах Хавкиной всего недели полторы назад. Хотя актрисочка (не знаю ее фамилии, зовут Наташей) отделалась легче и по натуре, видимо, существо кроткое, тем не менее, узнав о смерти Хавкиной, она перекрестилась и сказала: «Нехорошо радоваться чужой смерти, но слава Богу, что этого зверя больше нет в живых!» История актрисочки тоже прелюбопытная. Она ехала с компанией миниатюрных актеров, в числе коих имелся «угадыватель мыслей». В Унече они успели сунуть взятку, и их хотели было пропустить с багажом, мгновенно. Но вдруг, рассказывает Наташа, на платформу, где мы стояли, вышла молодая женщина, хорошенькая, высокая, со странными зелеными, какими-то пустыми глазами, очень ярко выраженной еврейка, одетая в солдатскую гимнастерку, короткую юбку, высокие сапоги. На поясе револьвер, в руках плетка. Это была Хавкина. Почему-то она заподозрила в нас контрреволюционеров, и все наши труды и взятки пропали даром. Нас арестовали и повели в Чрезвычайку. Здесь мы долго убеждали Хавкину в своей аполитичности. Она не верила. В разговоре мы упомянули о присутствии среди нас угадывателя мыслей. Хавкина улыбнулась и сказала: «Хорошо, вот если он угадает мои мысли, я вас отпущу. А если нет - всех к стенке!» Вероятно, мы погибли бы, если бы, к счастью, нас, ввиду переполнения арестных помещений, не разместили на селе, где мы успели собрать некоторые сведения и сплетни о Хавкиной. Оказывается, что у нее был любовник совершенно противоположных взглядов, ныне сражающийся в Добрармии. Угадыватель решил идти ва банк. Да, я забыла сказать, что для пущего удобства угадыватель все время притворялся французом, не понимаящим по-русски (на деле он был одесский еврей и говорил по-русски не хуже нас с вами). И вот на другой день разыгралось следующее. Мы пришли к Хавкиной. Угадыватель взял ее за левую руку и, с сосредоточенным видом, медленно выдавливая слова, начал говорить. Я переводила, тоже, по возможности, медленнее, все время его переспрашивая, чтоб дать ему время старательнее обдумывать слова. Сначала он нес какую-то ерунду. А потом вдруг сразу, быстро: «Вы думаете о вашем любовнике! Он в Белой армии! Вы думаете о нем день и ночь!» Хавкина вздрогнула, словно ее вытянули хлыстом, покачнулась, побледнела, крикнула: «Дальше!». Но наш угадыватель, не будь дурак, отбросил ее руку и с криком «не могу больше!» повалился на землю в совершенном изнеможении. Хавкина круто повернулась, крикнула: «Дать им пропуск!» и ушла. Тут мы обнаглели; решили: надо выручать багаж. Делегаткою к Хавкиной послали меня. Она сидела за столом, злая, сумрачная, расстроенная. Я ей объяснила, в чем дело; она посмотрела на меня пустыми глазами, спросила резко, на «ты»: «Ты жива?» Я растерялась. «Ну, и благодари судьбу, а не лезь ко мне с глупостями. Пошла вон!» Так мы багажа и не получили. Брусиловский, издатель «Анчара», знакомый с немцами, рассказывает со слов какого-то лейтенанта, что конец Хавкиной был подстроен. Немецкие пограничные офицеры, возмущенные ее зверствами, решили положить им конец, и, выследив однажды, когда она с небольшим конвоем объезжала нейтральную полосу, перешли границу и взяли ее в плен, предъявив ей обвинение в том, что она поймана на украинской территории как шпионка. Это было неверно, но не в том заключалось дело. Ее отвезли в Новозыбков (протест большевиков, присланный из Унечи, остался без последствий), военно-полевой суд мгновенно вынес смертный приговор, и Хавкину повесили на путях ст. Новозыбков, причем вместо виселицы на сенных весах. Перед смертью эта жестокая женщина безумно струсила, отбивалась от солдат, пыталась бежать, так что ее пришлось на руках поднять до петли.

Однако, слухи о смерти Хавкиной оказались сильно преувеличенными. Она не была в плену у немцев и информация о ее казни была «липкой». А неизвестно из каких источников почерпнутые рассказы о садистских зверствах Хавкиной, угадывателе ее мыслей, «повергнутые к стопам Ленина дары» и вовсе похожи на художественные фантазии.

Точное время и место знакомства Щорса с Хавкиной неизвестно, но, вероятнее всего это произошло осенью 1918 года в Унече, поскольку предположить, что это могло случиться где-то еще, исходя из объективных данных, сложно.

Хайкину принято называть женой Щорса, хотя никаких сведений об официальной регистрации брака между ними не имеется. Впрочем, это не столь существенно, поскольку фактически для Щорса она была постоянной спутницей жизни. О том, какие сильные чувства испытывал Щорс к Хайкиной, свидетельствуют сохранившиеся трогательные письма командира к своей возлюбленной. Щорс уделял ей столько времени, что в полку даже проводилось специальное собрание по поводу излишнего сердечного увлечения Щорса в ущерб работе.

Про дальнейшую судьбу Хайкиной доподлинно известно, что из Унечи вместе со Щорсом она проследовала в Украину, где сопровождала командира до самой его гибели. Точный ее статус в щорсовском подразделении неизвестен, но, вероятнее всего, она занималась в полку, а затем в дивизии чекистской работой, опыт которой у нее уже имелся. После гибели Щорса Хайкина некоторое время жила в Самаре, а затем переехала в Москву.

Фрума Хайкина надолго пережила своего мужа. После завершения гражданской войны она получила техническое образование в МВТУ (совр. МГТУ им. Баумана), после чего, в годы сталинской индустриализации поучаствовала в грандиозных советских стройках объектов системы ГОЭЛРО (Новороссийская, Днепродзержинская, Кузнецкая ГРЭС, Челябинская ТЭЦ), а также руководила строительством Уральского автозавода в Миассе. Непосредственно перед войной Ф.Е. Ростова работала в Москве на 1-м и 39-м авиазаводах. В отдельных источниках встречаются утверждения о том, что Хайкина была репрессирована и «сидела в лагерях». Однако, эта информация не соответствует действительности. Хайкина никогда не подвергалась никаким преследованиям со стороны властей и при всех партийных вождях жила вполне благополучно. После войны Хайкина работала в Народном комиссариате просвещения.

После 1935 года, когда советский агитпроп начал делать из Щорса «всенародно любимого героя», Хайкина, на правах вдовы начдива приняла в этой кампании самое активное участие. С этого времени она начинает использовать фамилию Ростова-Щорс и в дальнейшем активно эксплуатирует статус «вдовы легендарного начдива» (впрочем, известно, что псевдоним Ростова она иногда использовала еще во времена гражданской войны). Уже после гибели Щорса Хайкина родила от него дочь Валентину. Последняя, будучи студенткой МГУ познакомилась с Исааком Марковичем Халатниковым (род. в 1919) и стала впоследствии его женой. Речь идет о том самом физике и академике Халатникове, который под руководством гениального Ландау трудился над разработкой советской атомной бомбы. И.М. Халатников известен как один из крупнейших отечественных физиков-теоретиков, лауреат Государственной премии СССР, действительный член РАН. Сейчас И.М. Халатников находится в почтенном возрасте и живет в Москве.

Будучи вдовой всенародно известного героя, Хайкина пользовалась многими спецпривилегиями, недоступными простым советским гражданам. Так, еще в довоенные годы ей дали отдельную квартиру в знаменитом «доме правительства» на Берсеневской набережной в Москве, где в разные годы жили такие известные личности, как Светлана Аллилуева, И.Х. Баграмян, Демьян Бедный, Г.К. Жуков, А.Н. Косыгин, В.В. Куйбышев, А.И. Микоян, В.И. Сталин, М.Н. Тухачевский, Н.С. Хрущев, А.Я. Вышинский, К.Е. Ворошилов, Ю.В. Трифонов и многие другие. Помимо этого, Хайкиной был предоставлен доступ к специальному номенклатурному «соцобеспечению».

Ф.Е. Ростова-Щорс в почтенном возрасте

Фрума Хайкина скончалась в августе 1977 года. Похоронена на Новом Донском кладбище в Москве.

Среди потомков Щорса и Хайкиной, помимо уже упомянутой дочери Валентины, известна из внука Елена (дочь Валентины и Исаака Халатниковых).

В сотрудничестве со Щорсом активное участие в формировании Богунского полка принимали местные большевики, руководителем которых в те годы был Николай Иванович Иванов. Он не был связан с Унечей какими-то родственными узами. В наш город Иванов попал по роду своей партийной деятельности. В первые годы становления советской власти большевики старались закрепить политическое влияние во всех районах необъятной России, направляя даже в самые отдаленные уголки свои партийные кадры. Иванов по указанию петроградской парторганизации был направлен в Унечу, где должен был создать и возглавить местную организацию ВКП(б).

Об Иванове известно, что он родился в 1894 году в городе Боровичи Новгородской губернии. По национальности русский. Прибыл в Унечу в апреле 1918 года в возрасте 23-х лет, на тот момент был холост. До революции трудился на резиновом производстве, о своем образовании в анкете писал просто – «домашнее», состоял членом ВКП(б) с апреля 1917 года. По прибытии в Унечу, Иванов поступил в распоряжение Всеукраинского ВРК. Первое время он был связан с Днепровским партизанским отрядом, где трудился агитатором-организатором, а затем был назначен председателем Унечского комитета РКП(б). Иванов также входил в состав созданного на станции Революционного комитета, который фактически имел всю полноту власти в Унече. В Унече Иванов занимался партийной работой, принимал активное участие в формировании Богунского полка.

После отъезда из Унечи Иванов продолжил партийную карьеру. Известно, что он работал в Клинцах на должности председателя уездного парткомитета. В этот период на 1-й Черниговской партконференции Николай Иванов был избран членом Черниговского губкома и его председателем. Однако, Иванов отказался ехать в Чернигов и остался на работе председателя Клинцовского укома КП(б)Украины. В автобиографии редакции 1921 года Иванов так объяснял причину своего отказа: «...в Чернигов не выехал ввиду болезни и отхода 4-х северных уездов Черниговщины к Великокорсии».

Затем Иванов работал в Гомельской губернии, а в 1926 году уехал на Дальний Восток.

В 1929 году Иванов занял должность ответственного секретаря Зейско-Алданского окружного комитета ВКП(б). В августе 1930 года Зейский окружной комитет решением центральных властей был ликвидирован и Иванов с материка перебрался на остров Сахалин, где занял должность ответственного секретаря Сахалинского окружного комитета ВКП(б). На этом посту Иванов проработал до 1932 года, после чего была образована Сахалинская область и окружном упразднили. Карьера Иванова продолжала идти в рост. С 1932 года по май 1934 года он занимал пост 1-го секретаря Сахалинского областного комитета ВКП(б).

В январе 1934 года 1-й секретарь Сахалинского обкома Н.И. Иванов был направлен в Москву для того, чтобы в составе делегации коммунистов Дальневосточного края принять участие в 17-м съезде ВКП(б). Этот съезд с большой помпой проходил в столице с 26 января по 10 февраля 1934 года. Сталин назвал его «съездом победителей», поскольку на нем планировалось провозгласить триумфальную победу социалистической модели общества. Спустя время, острая на язык народная молва нарекла его «съездом покойников», т.к. в последующие годы три четверти «победителей», бурно аплодировавших на съезде вождю, были репрессированы - большинство расстреляны в 1937-1938 годах. Не избежал горькой участи и Иванов, но об этом мы еще расскажем.

По поводу причин репрессий участников 17-го съезда среди историков существует мнение, что во время съезда группа коммунистов, недовольных абсолютизацией личной власти Сталина, предложила члену Политбюро ЦК ВКП(б) С.М. Кирову (1786-1934) занять пост генерального секретаря. При этом, в ходе голосования значительное число делегатов съезда при выборе генсека голосовало против Сталина. Отметим, что сам Киров был убит в Ленинграде в декабре 1934 года и многие напрямую связывают его смерть с попыткой сместить Сталина. Впрочем, следует сказать, что версия о «кировском заговоре» против Сталина была порождена в первую очередь Н.С. Хрущевым (1894-1971), который, развенчивая после смерти вождя культ его личности, был вполне заинтересован, чтобы представить события 17-го съезда именно в таком свете.

К слову, делегат Иванов имел на 17-м съезде мандат с правом решающего голоса.

Так или иначе, но 17-й съезд партии стал первым витком спирали Большого террора в стране.

Совпадение или закономерность – неизвестно, но спустя пару месяцев после этого рокового съезда Иванов расстался с должностью 1-го секретаря Сахалинского обкома. На этом посту его сменил П.М. Ульяновский. К слову, его тоже расстреляли в 1938 году.

Дальнейшая судьба приводит Иванова во Владивосток, где в 1937 году он вновь назначен на руководящую должность – на это раз начальником Дальневосточного территориального управления Главного управления Северного морского пути при СНК СССР. Предыдущий начальник Дальневосточного управления Михаил Пошеманский был арестован незадолго до назначения Иванова. Однако, работать на этой должности Иванову пришлось тоже недолго. 25 декабря 1937 года он был арестован по обвинению в антисоветской деятельности.

Некоторую информацию о судьбе Иванова в этот период, его аресте и трагическом конце можно почерпнуть из книги

Александра Водолазова «Там, за далью непогоды», повествующей о судьбе инженера-строителя Северного морского пути А.В. Светакова, также репрессированного в 1938 году.

Вот некоторые выдержки из нее:

«...Начальником Дальневосточного территориального управления Главсевморпути после ареста Пошеманского назначили Николая Иванова. Светаков его немного знал по давней работе на Сахалине. Иванов был тогда секретарем Сахалинского окружкома ВКП(б). В ту пору в дела Светакова он особенно не влезал, лишь однажды помог оформить поездку советских инженеров на японскую концессию в Дуэ. Он тогда и себя включил в группу, с интересом осматривал японские технологии, общался с японскими инженерами, даже интересовался их зарплатой, цокал языком. Еще пару раз встречались на банкетах.

Иванов был чисто партийным работником, без специального образования, ничего не понимавшим ни в арктическом судоходстве, ни в портостроении. Но он был энергичен, исполнительен, привык любой ценой проводить в жизнь линию партии и правительства.

Задерганный, насмерть перепуганный вихрем арестов, он мотался на пароходах, на самолетах, на санях по всему необъятному региону от Владивостока до Уэлена, надеясь самоотверженной работой на износ заработать будущее алиби. Но и здесь было то же самое, что и на Западе. Не хватало средств, поэтому повсеместно практиковалось «расходование не по назначению». Чтобы обеспечить людей хоть каким-то жильем, изымались средства со строительства вспомогательного флота. Из-за этого возрастали непроизводительные простои судов под погрузкой-выгрузкой. Простои, в свою очередь, приводили к тому, что товары и продукты в районы Крайнего Севера завозились несвоевременно, а то и вообще не завозились. И повсеместная беда от Архангельска до Владивостока: из-за тотального бардака грузы зачастую отправлялись не те и не туда. Лишь бесперебойно шли транспорта с заключенными... Но самой, может быть, главной бедой оставалась удаленность территориального управления от театра действий. Две с половиной тысячи миль от Владивостока только до Берингова пролива (а зона ответственности управления простиралась далее на запад до Колымы) сводили на нет все усилия Иванова. С таким же успехом можно было пытаться управлять Черноморским флотом, скажем, из Мурманска.

Существовал план перевода теруправления в бухту Провидения, за него ратовал сам Шмидт, но когда и как, какими силами и средствами – никто не знал. Да и зачем?.. «Дальфлот» - специализированное пароходство НКВД, все более набирал силу, успешно справляясь с нарастающим потоком грузов и заключенных для Колымы. Но весь этот поток шел через Магадан. Северный вариант по-прежнему оставался вспомогательным. Потому и перспективы бухты Провидения, ключевого звена в шмидтовском варианте, оставались туманными.

У Светакова не было особой необходимости общаться во Владивостоке с Ивановым. Все производственные вопросы, связанные со строительством порта, решал в теруправлении начальник «Провиденстроя» Борис Михайлов. Светаков как-то раз зашел к Иванову, что называется, ради протокола. Вспомнили совместную работу на Сахалине. Больше разговаривать было не о чем. Да и время на дворе никак не располагало к неформальному общению, тем более – к сближению. В затравленных глазах Иванова явно читалось – вот еще фрукт свалился из Москвы на мою голову. Да и Светаков не без опаски думал – а не ты ли, друг любезный, сдал своего предшественника Пошеманского?»

После ареста Иванов был этапирован в Москву, где содержался в знаменитой Бутырской тюрьме. Сущность обвинений, которые были предъявлены Иванову, становится понятной из протокола его допроса от 1 февраля 1938 года:

«...Летом 1937 года во Владивостоке у себя в кабинете я завербовал в организацию главного инженера строительства порта Провидения Светакова (имя, отчество не помню). Светакова я знал несколько лет. Он строил порт в Александровске-Сахалинском и в Тикси, а сейчас поехал строить порт в Провидения. Он болеет рвачеством. Как-то завел с ним разговор, что при сегодняшних условиях советский инженер получает гроши, тогда как при капитализме труд инженера оплачивается лучше. Светаков с моими доводами согласился. Тогда я ему предложил вступить в существующую в Севморпути контрреволюционную террористическую антисоветскую организацию. Он согласился. Я дал ему задание - не дожидаясь результатов изысканий дебета пресной воды для нужд порта Провидения, форсировать строительство портовых сооружений, чтобы забить в них как можно больше средств. У меня были основания думать, что для нормальной работы порта не хватит пресной воды и порт придется переносить в новое место. Позднее Светаков мне рассказывал, что он вовлек в антисоветскую организацию начальника «Провиденстроя» Михайлова...».

В тридцатые годы прошлого века, в толстых папках уголовных дел, которые возбуждались в отношении «антисоветчиков», можно было встретить поистине удивительно-абсурдные вещи. Так, например, Иванов признавался следствию в том, что он завербовал в организацию даже заведующую столовой:

«Я знал о том, что она таскает мясо и другие продукты из столовой. Я ей пригрозил, что будем судить. Когда она начала каяться, я поставил ей условие: или ты будешь работать на нашу организацию, или передаю дело в суд. Она согласилась. Задание я ей дал такое: готовить обеды плохого качества и задерживать их выдачу ко времени обеденного перерыва. Тем самым вызвать озлобление и недовольство рабочих...» - из протокола допроса Николая Иванова от 1 февраля 1938 года.

Репрессии 1937-1938 годов затронули многих руководителей Севморпути. Например, Н.Я. Янсон, в октябре 1937 года назначенный заместителем начальника Главного управления Севморпути при СНК СССР, уже в декабре того же года был арестован и впоследствии расстрелян. Отметим, что также как и Иванов, Янсон имел непосредственное

отношение к 17-му съезду ВКП(б), на котором он был членом Центральной ревизионной комиссии.

После «признания» Иванова в антисоветской деятельности начались новые аресты. Вскоре арестовали Светакова.

Обвинение, предъявленное Светакову было еще круче чем у Иванова:

«Следствием установлено, что Светаков в 1930 году был завербован для шпионской работы в пользу Японии. По заданию японского разведчика Якусимо передавал последнему материалы шпионского характера о строительстве портов и причалов на Дальнем Востоке. Помимо шпионской работы Светаков являлся активным участником право-троцкистской организации, существовавшей в системе «Дальводстроя». Завербован в 1931 году бывшим заместителем начальника Тихоокеанского бассейна Дейниченко. Вербовал новых членов в право-троцкистскую организацию. ... Светаков виновным себя признал, но потом от своих показаний отказался. Изобличается показаниями Зыбенко, Иванова, Козьмина, Догмарова, Толстопятова и очной ставкой с последним...» - из обвинительного заключения в отношении Светакова.

Несколько месяцев следствия завершились для Иванова приговором Верховного суда СССР, согласно которому он был признан виновным в антисоветской деятельности, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян во Владивостоке 25 апреля 1938 года. Место захоронения Иванова неизвестно. Единственное, что впоследствии смогли сделать дети Николая Иванова - это сохранить память о нем, организовав символическую могилу отца на Николо-Архангельском кладбище Москвы.

Светакову в отличие от Иванова повезло больше. Его тоже признали виновным, однако, не расстреляли. После нескольких лет сибирских лагерей он вышел на свободу.

После смерти Сталина, 12 мая 1956 года определением Верховного суда СССР Николай Иванов был реабилитирован посмертно.

Решением Унечского городского Совета в 60-е годы прошлого века память Иванова была увековечена в названии одной из центральных улиц Унечи – в его честь переименовали бывшую Линейную улицу.

Среди репрессированных в 30-х годах значится также и имя Петра Леонтьевича Бессарабского (1888-1937), который в годы гражданской войны был командиром 29-го отдельного стрелкового полка железнодорожной обороны, действовавшего в районе Унечи. Впоследствии П.Л. Бессарабский занимал должность начальника транспортного отдела в Главном управлении угля и сланцевой промышленности Наркомата тяжелой промышленности СССР. Был арестован в октябре 1937 года по обвинению во вредительстве и участии в антисоветской диверсионно-террористической организации правого толка. Расстрелян в декабре 1937 года в Москве.

О времени пребывания в Унече Иванов оставил весьма скудные воспоминания, содержащиеся в строках его автобиографий. Причем, любопытно, что в первой, датируемой 1921 годом, он, называя тех, с кем ему довелось работать в Унече, называет среди прочих Хайкину, а о такой ключевой фигуре как Щорс не упоминает ни слова. Однако, в другой автобиографии, написанной в 1937 году, Иванов уже сообщает, что в 1918 году он работал в отряде, на основе которого затем был создан Богунский полк и здесь он упоминает также и Щорса. О том, почему в биографии 1921 года Иванов обошел факт своего тесного сотрудничества со Щорсом, можно только догадываться. Возможно, это было продиктовано политической целесообразностью и осторожностью, обусловленной недавней гибелью Щорса при невыясненных обстоятельствах. Кроме того, известно, что осенью 1919 года Иванов работал в деникинском тылу, где под началом С.И. Петренко-Петриковского занимался организацией партизанской войны. Петренко-Петриковский, до этого командовавший входившей в состав дивизии Щорса отдельной кавалеристской бригадой, лично и весьма неплохо знал начдива и серьезно сомневался в официально озвученной версии его гибели. Не исключено, что решение не упоминать имя Щорса в своей автобиографии Иванов принял после того, как обсуждал с Петриковским обстоятельства странной гибели Николая Щорса – их общего знакомого и соратника. Но все это не более чем предположения...

Одним из ближайших соратников Щорса в «унечский период» его жизни был Сергей Иванович Петренко-Петриковский (1894-1964) – один из активных организаторов повстанческого движения в Черниговской губернии в 1918 году. Петриковский родился в 1894 году в Люблине. В ряды РСДРП вступил в 1911 году, еще учась в Люблинской гимназии. По сводкам жандармерии Петриковский проходил как член анархо-синдикалистской группы РСДРП. Затем учился в Петербургском университете, но за участие в революционном движении в 1915 году был отчислен и выслан в Сибирь. Известно, что в 1914 году Петриковский, хорошо владевший польским языком, нелегально ездил в Краков, где посещал Ленина, передавая ему письма и литературу. В 1916 году, находясь в Сибири, Петриковский был призван в армию, после чего его сняли с полицейского надзора. В мае 1917 года Петриковский поступил на четырехмесячные курсы во Владимирское юнкерское пехотное училище, при этом продолжал вести большевистскую пропагандистскую работу, активно участвуя в политической жизни партии. 1 сентября 1917 года Петриковский был произведен в прапорщики и направлен для продолжения службы в Харьков. После октябрьского переворота, в декабре 1917 года он был назначен начальником Харьковского гарнизона. В марте 1918 года, после оккупации Харькова немецкими войсками эвакуировался в Москву. В период формирования Богунского полка Петриковский был начальником штаба 1-й Украинской повстанческой дивизии, часто бывал в Унече и, вероятно, принимал активное участие в организации полка. Примерно с этого времени он стал использовать в качестве приставки к фамилии псевдоним «Петренко». Известен как один из участников переговоров с немцами во время так называемых «лыщичских братаний». Впоследствии Петриковский был командиром Особой кавалеристской бригады, входившей в состав 44-й дивизии. После этого он служил в Крымской армии, сражавшейся против Деникина. Непосредственно командовал подразделениями, которые в апреле 1919 года перешли Перекоп и Сиваш, устремились

вглубь Крымского полуострова и дошли до Севастополя. После этого Петриковский был назначен начальником штаба Крымской армии. После Крыма С.И. Петриковский служил военкомом 25-й Чапаевской стрелковой дивизии, начдивом 52-й и 40-й стрелковых дивизий. В 1935 году был бригадным комиссаром РККА. В 1937 году Петриковский работал старшим инженером на заводе Оргоборонпрома наркомата авиационной промышленности. В годы Великой Отечественной войны С.И. Петриковский колесил по фронтам с инспекторскими поездками, а затем был назначен начальником Центральной научно-экспериментальной базы ВВС. С 1943 года - генерал-майор инженерно-технической службы. После войны Петриковский работал заведующим военной кафедрой Московского авиационного технологического института, принимал активное участие в общественно-политической жизни. В 1962 году Петриковский провел частное расследование обстоятельств гибели Н.А. Щорса, по результатам которого сделал для себя вывод о том, что начдив был преднамеренно убит. 25 января 1964 года С.И. Петриковский умер и был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Именем С.И. Петренко-Петриковского была названа одна из улиц Симферополя.

С.И. Петренко-Петриковский

Еще одним близким к Щорсу человеком был Казимир Францевич Квятек (настоящие ф.и.о. – Ян Карлович Витковский) – уроженец 1888 года, поляк по национальности, выходец из Варшавы, революционер, в царские времена немало посидевший за свою деятельность по тюрьмам. В 1905 году Квятек участвовал в покушении на варшавского губернатора Максимовича и лишь ввиду своего несовершеннолетия избежал виселицы, которая была заменена на большой каторжный срок (по другим данным - на вечное поселение в Восточной Сибири). Из неволи Квятека вызволили события февраля 1917 года и вскоре вчерашний преступник и каторжанин с головой окунулся в гущу событий. Вообще, люди подобные Квятеку, на волне революционных перемен часто оказывались самыми востребованными персонажами, несмотря на то, что, по-сути были преступниками. Никто ведь не станет оспаривать, что покушение на убийство губернатора это уголовное преступление, независимо от мотивов его совершения. Впрочем, деформированная мораль наших революционных лидеров и в первую очередь большевиков, позволяла им не считать политических убийц и террористов преступниками. Все совершенные ими злодеяния считались «средствами политической борьбы», которые оправдываются достижением декларируемых целей. Справедливости ради отметим, что подобная мораль не является чисто нашим «национальным изобретением» - она была присуща революционерам всех времен и народов.

Казимир Квятек

После освобождения, судьба забросила Квятека на Черниговщину, где он познакомился со Щорсом, с которым прошел весь его боевой путь от начала и до конца, оставаясь рядом до самой гибели командира.

В 1918 году Квятек вместе со Щорсом окончил в Москве курсы красных командиров. В свои 30 лет Квятек был одним из самых опытных бойцов в Богунском полку, занимая должность помощника командира, а после назначения Щорса на должность начдива Квятек сам стал командиром богунцев. Впоследствии он командовал 130-й Богунской бригадой, был помощником командира 44-й и 19-й стрелковых дивизий и, наконец, дослужился до должности командующего войсками Харьковского военного округа (ХВО). В 1938 году Квятек, на тот момент служивший заместителем

командующего ХВО, был репрессирован по обвинению в военном заговоре и принадлежности к Польской военной организации. Вместе с ним по этому делу проходил такой известный советский деятель, как И.С. Уншлихт (1879-1938) и многие другие военачальники, в основном польского происхождения. Уголовное дело закончилось для Квятека ожидаемым трагическим результатом – он был приговорен к высшей мере наказания. Дата исполнения приговора в отношении Квятека неизвестна, но, вероятнее всего, это произошло в день его вынесения – 25 августа 1938 года. В 1956 году Квятек был посмертно реабилитирован.

Интереса ради, заметим, что Квятек был не единственным военачальником 44-й дивизии, которых коснулась волна репрессий 30-х годов. Так, назначенный в декабре 1919 года командиром Таращанской бригады В.И. Козко в 1939 году был осужден на 8 лет лагерей, после чего о его судьбе ничего неизвестно. Я.А. Штромбах (1894-1931), назначенный командиром 44-й стрелковой дивизии в 1929 году, в 1931 году был расстрелян по обвинению в связях с чехословацкой разведкой. Командир дивизии в 1939 году, Виноградов А.И. (1889-1940) был арестован в 1940 году за невыполнение боевой задачи в ходе советско-финской войны и уже спустя 2 дня после ареста был расстрелян перед строем личного состава 44-й стрелковой дивизии. Д.К. Мурзин (1889-1938) - начальник оперативного отделения штаба 1-й Украинской Советской дивизии в 1919 году – был расстрелян по делу о троцкистском заговоре в августе 1938 года. По обвинению в антисоветской деятельности в 1938 году были расстреляны Борис Маркович Таль (1898-1938) и Петр Пахомович Ткалун (1894-1938) – военкомы 44-й дивизии в 1920 году. Наконец, бывший в 1919 году военным комиссаром 44-й дивизии Оскар Михайлович Берзинь (1894-1938) в сентябре 1938 года расстрелян по обвинению в шпионаже и диверсионной деятельности в пользу иностранных государств.

Судьбы этих советских офицеров были вполне типичными для ситуации, которая складывалась в армии в 30-е годы прошлого века. В период «сталинских чисток», а особенно в 1937-1938 годах, оборвались жизни тысяч командиров, имевших опыт гражданской войны. Абсолютное большинство из них были реабилитированы после смерти Сталина.

Среди прочих соратников Щорса в период формирования полка в Унече, также следует назвать Константина Лугинца, Никиту Коцара (Коцаря), Григория Кошеева, Софью Алтухову, Владимира Исаковича, Эсфирь Рогг, О.Н. Трояновскую, Гольдштейна.

О Константине Лугинце известно, что он был родом из Семеновки, в дореволюционный период отбывал срок на каторге, где познакомился с Квятеком. После освобождения из неволи, Лугинец вернулся на родину, видимо, приехав туда вместе с Квятеком. Находясь в Семеновке в период формирования повстанческого отряда, оба они оказались в рядах подразделения, которое возглавил Щорс.

Никита Коцарь был одним из организаторов Богунского полка, затем первым полковым адъютантом и наконец, начальником политотдела 1-й Украинской Советской дивизии.

Уроженец села Лебяжье Константиноградского (совр. город Красноград Харьковской области) уезда Полтавской губернии, Григорий Ефимович Кошеев в годы революции и гражданской войны участвовал в повстанческом партизанском движении на территории Украины. В августе 1918 года появился в районе Унечи, где вскоре вступил в ряды Богунского полка, в котором служил начальником пулеметной команды, затем командиром батальона, помощником командира полка и, наконец, командиром 388-го Богунского полка. Награжден орденом Красного Знамени.

Григорий Кошеев

Софья Алтухова - бывшая курсистка из Киева. В Богунском полку была фельдшером одной из рот. С полком она прошла весь его боевой путь - от Унечи до самого окончания гражданской войны.

Ольга Николаевна Трояновская в дивизии занималась культурной и просветительской работой. Имела образование, полученное в Петрограде на Бестужевских курсах (в России до 1917 года - высшие учебные заведения университетского типа для женщин).

Эсфирь Рогг – бывший одесский политработник с подпольным стажем, в дивизии служила начальником политотдела, но проработала на этой должности недолго. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

Гольдштейн до создания полка служил начальником контрольно-пропускного пункта на станции Зерново, в дальнейшем - снабженец Богунского полка.

Владимир Николаевич Исакович (1883-1966) - видный советский и партийный работник. Член партии большевиков с 1914 года, участник Октябрьской революции. Работал заведующим отделом Народного Секретариата военных дел, активно участвовал в формировании 1-й Украинской повстанческой дивизии, в том числе и в период пребывания в Унече в 1918 году. Затем был назначен комиссаром Таращанского полка 44-й дивизии, а с 1919 года - комиссаром 1-й Советской дивизии. После гражданской войны занимался партийной работой в Украине. В годы Великой Отечественной служил политработником на фронте. В послевоенный период В.Н. Исакович работал секретарем комитета КП(б) Украины, Академии наук Украинской ССР. Умер 10 ноября 1966 года в Киеве.

Бывший слесарь из Екатеринослава (совр. Днепропетровск) Михаил Матвеевич Сазонкин прибыл в нейтральную зону в составе партизанского повстанческого отряда, где вступил в Богунский полк. В полку Сазонкин был командиром 5-й роты, руководителем отделкома, политруком роты.

Федор Николаевич Гавриченко родился 15 марта 1892 года в Найтоповичах, в казацкой семье Николая Андреевича и Евдокии Савельевны Гавриченко. В 1903 году окончил церковно-приходскую школу в родном селе, после чего трудился дома по хозяйству. В 1914 году Федор был призван на службу в армию и вскоре попал на Турецкий фронт, где со временем получил звание фельдфебеля, имел награды. В 1915 году Ф. Гавриченко окончил учебную команду, но вскоре, в том же году, был демобилизован. После увольнения со службы Гавриченко вернулся домой, где и встретил Октябрьскую революцию 1917 года. Известно, что к этому времени он уже обзавелся семьей, имел двоих сыновей. Революцию Гавриченко, очевидно, воспринял с оптимизмом. По крайней мере он четко представлял, чем должен заниматься в этом водовороте событий. В мае 1918 года он добровольно вступил в РККА, проходил службу в 1-м Крестьянском Советском полку. Затем, будучи помощником начальника 2-го Днепровского Повстанческого отряда, до осени 1918 года Гавриченко в составе повстанческих подразделений боролся против немецких оккупантов в окрестностях сел Рухово, Рохманово, Кустичи, Лыщичи, Робчик.

Федор Гавриченко

В сентябре 1918 года Ф.Н. Гавриченко вступил в ряды Богунского полка и вскоре уже командовал одним из его батальонов. По крайней мере, именно в таком качестве в ноябре 1918 года Гавриченко принимал участие в поездке богунской делегации в расположение немцев в селе Лыщичи.

В 1919 году Гавриченко вступил в партию большевиков. До настоящего времени точно не установлено, была ли это российская ВКП(б), либо компартия Украины.

По неподтвержденным данным, зимой-весной 1919 года Ф.Н. Гавриченко работал комендантом Стародубской уездной чрезвычайной комиссии, а ближе к маю того же года вернулся в расположение Богунского полка, где получил под командование батальон. Через некоторое время после гибели Щорса он был назначен помощником командира 390-го Богунского стрелкового полка, а в начале 1920 года принял командование этим подразделением.

В послужном списке Ф.Н. Гавриченко на полях гражданской войны было немало подвигов, за которые в 1921 году он был награжден орденом Красного Знамени. В числе отмеченных командованием действий Ф.Н. Гавриченко значатся успешная операция против петлюровцев в августе 1919 года в районе Староконстантинова и в сентябре того же года в районе Житомира, налет богунцев в октябре 1919 года на Киев, в ходе которого у деникинцев был захвачен поезд имени генерала Алексева с двумя аэропланами и семью цистернами. В 1921 году Ф.Н. был награжден орденом Красного Знамени.

Помимо гражданской, Ф.Н. Гавриченко участвовал и в боях на польском фронте. Имел ранения и контузии.

Служившая с весны 1919 года и до конца гражданской войны вместе с Федором Гавриченко, юная москвичка Анна Анатольевна Розенблюм характеризовала его как храброго и очень дисциплинированного человека, при этом очень простого в обращении с подчиненными.

Дальнейшая карьера Федора Гавриченко развивалась следующим образом:

В октябре 1921 года он был назначен командиром 132-й стрелковой бригады 15-й дивизии. Летом 1922 года – командир 132-го Донецкого стрелкового полка. С октября 1922 года по август 1924 года Гавриченко был слушателем курсов старшего комсостава Высшей тактической школы имени 3-го Коминтерна, после чего был назначен командиром 130-го Богунского полка 44-й дивизии. Летом 1924 года временно исполнял обязанности командира этой же дивизии. Летом 1926 года работал помощником школы красных старшин в Харькове. В ноябре 1926 года переведен в 46-ю стрелковую дивизию, где командовал 136-м стрелковым полком. С ноября 1928 года - в 23-й стрелковой дивизии, помощником комдива. В январе 1929 года слушатель КУВНАС при Военной академии РККА. С февраля 1931 года - командир 96-й Подольской территориальной стрелковой дивизии, а с 1 марта 1931 года – одновременно и военком этой дивизии. В 1933 году Ф.Н. Гавриченко окончил особый факультет Военной Академии имени Фрунзе, где обучался в одной группе с С.М. Буденным (1883-1973).

В годы сталинских чисток Федор Гавриченко разделил горькую судьбу многих своих соратников, вместе с которыми он кровью закреплял на полях гражданской «завоевания Октября». В 1938 году (по другим данным, в 1937) командир 96-й стрелковой дивизии Ф.Н. Гавриченко был арестован. Вероятно, это было связано с делом, по которому на тот момент уже проходили И.Э. Якир (1896-1937), И.Н. Дубовой (1896-1938) и Квятек (об этом деле будет рассказано ниже). Известно, что Гавриченко содержался в харьковской тюрьме, имел там очную ставку с Анной Розенблюм, также арестованной в конце 1938 года (была осуждена к лагерному сроку, после отбытия которого вышла на свободу). К сожалению, сведений о месте смерти Ф.Н. Гавриченко не имеется. Предположительно, он был расстрелян в харьковской тюрьме в 1940 году. В постсталинский период Гавриченко был посмертно реабилитирован и восстановлен в воинском звании. Сегодня в память о земляке, в музее найтоповичской школы висит портрет Федора Гавриченко.

Федор был не единственным членом найтоповичской семьи Гавриченко, воевавшим в щорсовском подразделении. Его младший брат Никита, 1896 г.р., был командиром роты, а затем командиром батальона в Богунском полку. Точных сведений о его судьбе не имеется. По неподтвержденным данным Никита Гавриченко попал в плен к полякам (или белогвардейцам), где погиб и был похоронен во Владимире-Волынском (совр. Волынская область Украины).

О детях Федора Гавриченко известно, что его младший сын Юрий в годы Великой Отечественной войны служил минером-разведчиком и погиб. Второй сын Михаил жил и работал в Москве.

Из краеведческой литературы известны и другие персонажи того времени. Например, политконтролером на станционном телеграфе был Петр Михайлович Стожко.

Одним из самых заметных событий в жизни станции осенью 1918 года стал мятеж, разгоревшийся в Богунском полку. Вот как это событие описывается в книге унечского краеведа А.Т. Бовтунова «Узел славянской дружбы»:

«Мятеж начался неожиданно в один из осенних дней, когда командный состав полка собрался вечером в политотделе по поводу приезда в Унечу командира дивизии Крапивянского. В это время на улице раздался треск пулеметной очереди и отдельные винтовочные выстрелы. Как выяснилось, стреляли свои – мятежные солдаты Богунского полка окружили здание штаба полка. Однако, Щорсу, Квятеку, Лугинцу удалось уйти. Спустя час мятежники захватили все ключевые здания на станции, разгромили местные чека и ревком, а затем послали приглашение немцам занять станцию. В это время Щорс, Квятек, Лугинец собрали срочное совещание, на котором было принято решение подавить мятеж силой оружия. К утру из Брянска на помощь прибыл четвертый батальон вместе с комиссаром полка. Общими усилиями мятеж был подавлен, часть его участников арестована, но многим удалось бежать. После подавления мятежа в полку под руководством председателя местного ревтрибунала Петра Лугинца (старший брат К. Лугинца) началась работа по «чистке кадров», в результате чего из полка было «отсеяно» около 200 человек. После описываемых событий все действующие и вновь принимаемые бойцы Богунского полка в обязательном порядке принимали военную присягу».

В советские времена причины мятежа традиционно объяснялись подрывной деятельностью чуждых революционному движению элементов, случайно просочившихся в полк. Причем, деятельность эта, якобы координировалась немецкой разведкой. В литературе называются даже организаторы мятежа - бывшие царские офицеры Петров и Недоливко. Об этом, в частности, мы можем прочесть в книге Е. Марьенкова «Легендарный начдив», где говорится о том, что Петров и Недоливко распространяли провокационные слухи в полку, подбивали бойцов на бунт, вели антисоветскую и националистическую пропаганду.

Однако же, «контрреволюционный характер мятежа» вряд ли был следствием спланированной и целенаправленной деятельности неких идейных антибольшевистских сил. Вероятнее, все было куда прозаичнее.

Так, существует мнение, что мятеж был поднят группой богунцев, которые, разочаровавшись в жестоких методах «революционной политики» местного ЧК, повернули оружие против своих.

В частности, местный житель Василий Шпиньков – сын одного из богунцев Гермогена Шпинькова из Найтопович, ссылаясь на устные воспоминания отца и других ветеранов-богунцев утверждал, что бунт в Богунском полку произошел как ответная реакция на жесткие действия местной ЧК и лично Фрумы Хайкиной в отношении бойцов-земляков, загулявших «по девкам» и не вернувшихся в расположение полка к вечерней проверке.

Из воспоминаний В.Г. Шпинькова:

«Да, был бунт в Богунском полку. И эти бунтари как раз из нашего поселка и были [Найтоповичи, Казащина]. А откуда он возник? Я беседовал с бывшими бунтарями. Вот как дело было. Молодежь, хочется погулять, а надо быть в казарме. А они пошли к девкам гулять и не явились на вечернюю поверку. Вечерняя поверка, - а их нема. Ну, докладывают выше. А в поселке действовала ВЧК. Председателем ВЧК была Фрума Хайкина, еврейка. Говорят, что Иванов был, но наши партизаны говорят, что Фрума Хайкина верховодила. И, если туда попал - почитай, конец. И, вот, наших - Новиков Никифор был, Шавеко Михаил и еще другие там были - забрали, раз не явились на поверку. Капут нашим ребятам. Вот и взгоношились. А Миша Шавеко был в пулеметной роте, я с ним беседовал лично. Что делать? Любой ценой надо отвоевать хлопцев. И как раз было заседание штаба в Унече. Ну, вот ребята выкатили пулеметы и - на «ура». Но все же пулеметчик пожалел: очередь дал, но пули пошли выше. Иначе он бы покосил всех там. И все рванули кто куда бежать. А Щорс побежал к мосту железнодорожному, который за Унечей. И бежал он одна нога в сапоге, другая в калоше - у него одна нога раненая была. Даже в отхожее место увалился. А со штаба передали в Брянск, в железный полк, это отец рассказывал. И вот сутки прошли. Здесь уже - гуляй воля, никто не хочет в казармы итти. Ходят по Унече, ищут где выпить. Но тут едет эшелон, в товарных вагонах двери открытые и держат винтовки наизготовку. Думали, что восстал пулеметный полк и порежут их сейчас из пулеметов прямо в вагонах. Ничего подобного, никто даже не выстрелил. Ходят богунцы по перрону - «О, здорово, рабочий класс!» Никто никакого сопротивления. Они просто восстали против зверства этого ВЧК - расстреливали безбожно. В ВЧК была не одна Хайкина, но вроде как она командовала там этими делами. Конечно, хлопцев своих они освободили. А Хайкина удрала. Потом ее больше не стало. И полку этому железному объявили: пока не уберете эту гадину, Вы нам ничего не сделаете.

- Ну, как же вы, товарищи, тут немцы наступают, а вы бунт такой подняли, бучу какую-то.

- Да мы не против советской власти, мы против зверства вот такого.

А если бы пулеметчик резанул чуток пониже, то побил их. Мне рассказывал об этом член военного совета Зык - это друг моего батьки. Назначили самого Иванова в чрезвычайку».

Поднятие богунцами бунта по причине ареста «своих хлопцев», следует считать вполне вероятным сценарием. Ведь Богунский полк был в значительной степени укомплектован «сельскими молодцами», не имевшими еще представления о военной дисциплине, а такое понятие как «борьба с контрреволюционными проявлениями» было для них вовсе пустым звуком. Поэтому, арест друзей и односельчан из-за такой, как им казалось, пустяковой причины, как «загул по девкам», вполне мог вызвать бурю возмущения среди молодых и горячих богунцев.

На жестокость ЧК, как причину возникновения волнений в полку, указывал в своих записях и бывший в то время начальником штаба 1-й дивизии Петренко-Петриковский.

Помимо этого, в протоколе партийного собрания унечских большевиков от 22 сентября 1918 года, в повестке которого четвертым вопросом значился «Бунт в Богунском полку», обсуждался вопрос о «плохом поведении красноармейцев в Богунском полку». По результатам собрания было решено Богунский полк разоружить.

Достоверно не выяснены не только причины мятежа, но даже и точная его дата. Если ориентироваться на вышеупомянутый протокол, то выходит, что мятеж произошел в сентябре 1918 года. Однако, из другого документа - «Резолюции собрания членов Коммунистической партии (большевиков), командиров 1 Богунского полка, требующей устранения т. Крапивянского Н.Г. с поста начальника 1 пехотной дивизии» от 25 ноября 1918 года - следует, что мятеж произошел 1 ноября 1918 года:

«...5. Того же дня [1-го ноября 1918 года] тов. Крапивянский присутствовал на собрании командного состава Богунского полка, во время которого в полку произошел мятеж (контр.революционный). Тов. Крапивянский, как начальник дивизии, находясь среди мятежников несколько часов, ничего абсолютно не предпринял для его ликвидации, с помощью мятежников сел в вагон и уехал в Орел...».

Один из исследователей биографии Н.А. Щорса - В. Карпенко, в своей книге «Щорс» указывает, что мятеж произошел вскоре после партийного собрания, на котором разбирался вопрос разгрузки поселка. Известна дата этого собрания - 27 октября 1918 года.

Учитывая, что такой разброс в датах едва ли является ошибкой, то, вероятнее всего будет предположить, что Богунский полк лихорадило на протяжении всей осени 1918 года и выступления в полку имели место как в сентябре (по причине жестких действий ЧК), так и более поздней осенью 1918 года (в связи с волнениями по поводу возможной переброски богунцев на восточный фронт).

О вероятных причинах сентябрьского мятежа мы уже говорили выше. Анализируя же причины мятежа 1 ноября 1918 года, который упоминается только лишь в одном известном документе - резолюции партийного и командного состава Богунского полка, можно предположить, что он был вызван нежеланием бойцов воевать за интересы Советской России на совершенно другом фронте, т.е. за пределами Украины. Дело в том, что именно в это время командованием решался вопрос о снятии Богунского полка с украинского направления и переброске его на Донской или восточный фронт.

Так, в ходе подготовки наступления советских войск на Харьков, 1-я Украинская дивизия получила приказ о передислокации, но большинство частей, в т.ч. и подразделение Щорса, не тронулись с места. По данному поводу было проведено расследование, по результатам которого начдив Крапивянский был отстранен от командования.

С.И.Петриковский писал о попытке перебросить дивизию на восток следующее:

«...ведь это была-бы сплошная авантюра – вернее ликвидация Повстанческих частей – переброска их на Восточный фронт: организовывать под лозунгом борьбы за освобождение Украины, а затем вести людей на Восток – туда приехало бы с нами очень ограниченное количество людей...».

А это из переписки Петренко-Петриковского с Владимиром Исаковичем, бывшим политкомиссаром щорсовской дивизии:

«...Но в то же время местных партизан было довольно трудно в перебрасывать в другие районы. Дело доходило до «волынок...». Под «волынками» (устаревшее жаргонное слово) в данном случае имелся в виду протест, саботаж.

Вероятнее всего, именно с этим и был связан приезд в Унечу 1 ноября 1918 года Крапивянского. Не исключено, что именно его приезд и обсуждение возможности переброски полка на восток России и спровоцировали выступления в полку.

Роль Щорса в ноябрьском мятеже и позиция, которую он занимал по отношению к начдиву Крапивянскому, до конца не выяснены. Так, сын Н.Г. Крапивянского – Григорий Николаевич Крапивянский, впоследствии утверждал, что Щорс относился к начальнику дивизии крайне враждебно и поднятый 1 ноября 1918 года в Унече мятеж был во многом инициативой командира богунцев. Впрочем, за объективность и достоверность доводов Г.Н. Крапивянского мы ручаться не можем.

Как известно, Крапивянский уехал из Унечи ни с чем и вскоре был снят с должности. В отдельных публикациях встречаются утверждения о том, что за этот эпизод Крапивянский был предан суду, однако, это не так. Крапивянский продолжил службу в Красной Армии и носил погоны до 1923 года, после чего был переведен на гражданскую службу по линии народного хозяйства. В 30-х годах Крапивянский служил в органах НКВД, где занимался инспектированием объектов, на которых задействован труд заключенных. В 1937 году Крапивянский был арестован по обвинению в правотроцкистском контрреволюционном заговоре и приговорен к 5 годам лагерей. После освобождения в 1943 году, проживал в Буинске (совр. Татарстан), а затем вернулся на родину, в Нежин, где работал лесником. Через два года перебрался в Москву, но в 1948 году снова вернулся в Нежин, где и скончался.

В продолжение темы ноябрьского мятежа хотелось бы отметить следующее: несмотря на то, что Богунский полк был воинским подразделением, нужно все-таки иметь в виду, что в нем служил сложный контингент - вчерашние партизаны, крестьяне, уголовники-каторжане, т.е. в большинстве своем не служивый народ, поэтому военная дисциплина в полку наверняка хромала. К тому же, политический хаос в стране и отсутствие четко понятных бойцам задач, которые они должны были выполнять на востоке России, не способствовали повышению дисциплины.

На интернет-сайте, посвященном истории 44-й стрелковой дивизии, о ситуации с планами по переброске украинских повстанческих формирований на другой фронт говорится следующее:

«В конце октября - первой половине ноября 1918 г. руководством КП(б)У была сделана попытка передать украинские советские повстанческие части в состав Красной Армии и отправить их на фронт против белоказаков. Это вызвало крайнее недовольство среди повстанцев, началось массовое дезертирство из повстанческих формирований Украины. Так, если 20-24 октября 1918 г. в 1-й Повстанческой дивизии числилось около 7000 бойцов, то на 1 ноября 1918 г. - уже только 1946 человек. Правда в этот период из дивизии убыл 1-й полк Червоного казачества (1000-1500 чел.), вместо которого был развернут Нежинский батальон (312 чел.). Замена 4-го полка Я.А. Киселя Новгород-Северским полком Т.В. Черняка не могла серьезно повлиять на численность дивизии. Таким образом, можно сделать вывод, что в этот период численность дивизии уменьшилась без ведомых причин на 3 тыс. человек (значимых боев в этот период не было). Единственное объяснение этому – дезертирство».

Среди наиболее часто встречающихся в краеведческой литературе и прочих источниках фамилий коммунистов, работавших в рассматриваемый нами период в Унече, помимо уже упомянутых Иванова и Хайкиной, можно выделить Левина (Левчука), Ольхового, Лейбовича, Трифонова, Осипова, Осипа Тищенко, Станецкого.

В частности, Осип Тищенко известен как командир одного из отрядов, действовавших в 1918 году в нейтральной зоне, затем как один из организаторов Богунского полка.

Следующим, широко описанным в краеведческой литературе событием рассматриваемого периода стало так называемое братание советских и немецких солдат в селе Лыщичи 13 ноября 1918 года. Предыстория этого братания такова: 9 ноября 1918 года в Германии произошла революция, сменившая форму правления в стране. Германская монархия была свергнута и на смену ей пришла парламентская республика. 11 ноября 1918 года между Германией и Антантой было заключено Компьенское перемирие, завершившее первую мировую войну.

Происходившие на родине события, разумеется, не могли не внести в ряды немецких солдат смуту. Ведь они присягали на верность императору, который теперь оказался свергнут. Кроме того, в окопах находились также солдаты Австро-Венгрии, которая после Ноябрьской революции вообще прекратила свое существование.

Москва тонко почувствовала политический момент - из столицы в прифронтовые части направляются срочные телеграммы с предписанием наладить контакт с немецкими солдатами на почве объединительной революционной идеи. С этой целью из Унечи в расположение немецких частей отправляется специальный агитпоезд. Первая делегация партийцев, ревкомовцев и богунцев во главе с Щорсом отправилась в Робчик на двух товарных вагонах.

Состоялась встреча, на которой договорились об ответном визите немцев в Унечу.

12 ноября 1918 года в расположение Богунского полка прибыла немногочисленная делегация 106-го пехотного полка ландвера. В знак солидарности с русской революцией на груди у парламентаров были прикреплены красные банты. На привокзальной площади по этому случаю был организован митинг, на котором выступили Щорс, руководитель местных коммунистов Николай Иванов и представители немецкой стороны. В станционном буфете состоялся ужин. Казалось, противостояние закончилось. Вечером того же дня о достигнутых успехах сообщили в Москву и вскоре получили ответ от самого Ленина:

«Председателю Унечской РКП(б) Иванову. Благодарю за приветствие всех. Особенно тронут приветствием революционных солдат Германии. Теперь крайне важно, чтобы революционные солдаты Германии приняли немедленное действительное участие в освобождении Украины. Для этого необходимо, во-первых, арестовать белогвардейцев и власти украинские, во-вторых, послать делегатов от революционных войск Германии во все войсковые германские части на Украине для быстрого и общего их действия за освобождение Украины. Время не терпит. Нельзя терять ни часа. Телеграфируйте тотчас, принимают ли это предложение революционные солдаты Германии. Предсовнаркома Ленин».

Из телеграммы Ленина видно, что в Москве очень рассчитывали на использование немецкой военной силы в борьбе за власть на Украине. Однако, как показали дальнейшие события, Москва, либо сильно преувеличивала «революционный дух» немецких солдат, либо, что более вероятно, просто раздувала масштаб произошедших событий в целях пропаганды. Очевидно, что немцев мало интересовали планы большевиков по «распространению мирового пожара революции», поскольку они, истосковавшись по своим семьям, хотели как можно скорее вернуться домой. Несмотря на некоторую сумятицу среди личного состава, в немецких войсках сохранилась военная дисциплина, солдаты продолжали подчиняться своим офицерам и выполняли их приказы. Поэтому планы большевиков по превращению немцев в союзников по борьбе за власть в Украине были по большей части иллюзиями.

На следующий день после визита немцев, из Унечи в Лыщицы отправляется большая делегация политработников и весь личный состав Богунского полка. Именно здесь, на лугу между Лыщицами и Куровщиной 13 ноября 1918 года произошло событие, известное как братание богунцев с немецкими солдатами. Подобные братания русских с немцами были отмечены и на других участках демаркационной полосы. Встреча действительно проходила в мирной и доброжелательной атмосфере, вчерашние враги обменивались приветствиями и заключали друг друга в дружеские объятия.

После братаний в Лыщицах, Щорс сообщает наверх о том, что с немецкими солдатами налажены тесные взаимоотношения. В целом, общий тон телеграфной переписки между Унечей и центром действительно создает впечатление возникшей между богунцами и немцами чуть ли не братской любви, замешанной на духе объединительной коммунистической идеи. Некоторые исследователи, освещая это событие, с уверенностью утверждают, что такое поведение немецких солдат было обусловлено тем, что они прониклись идеями «мировой революции» и видели в богунцах чуть ли не братьев по духу. Возможно, отчасти это и соответствует действительности, т.к. в те годы «революционная романтика» затуманила мозги многим и в России и в Германии. Но только отчасти, так как почти сразу после «лыщичских братаний» немцы, уходя на запад, взрывали и жгли мосты, уничтожали коммуникации, а под Клинцами и вовсе активно взаимодействовали с гайдамаками в боевых действиях против щорсовцев. В краеведческой литературе причины такого поведения немецких солдат крайне неуклюже объясняются «слишком живучим подобострастным подчинением солдат офицерству» и «машинной повинности», которую вновь удалось запустить «силам буржуазии». Такое объяснение вряд ли можно признать объективным. Вероятнее всего, само по себе практическое значение «лыщичского братания» в советские времена было слишком переоценено. По своей сути, события в Лыщицах и аналогичные братания в других районах нейтральной полосы оказались формальностью и никаких политических дивидендов большевикам не принесли.

В целом, основываясь на анализе исторических документов, возникают сомнения и в объективности той информации, которую Щорс и Иванов отправили после братания Ленину. В частности, известна еще одна телеграмма от 18 ноября 1918 года, адресованная Ленину одним из секретарей ЦК. Эта телеграмма шла без подписи, но возможно, ее автором был секретарь компартии Украины Эммануил Ионович Квиринг (1888-1937), который был ярким сторонником всех решений Москвы и принимал меры к осуществлению плана по переброске Богунского полка на восток России. Не вдаваясь в прочие подробности биографии Квиринга, отметим, что он, как и Николай Иванов, о трагической судьбе которого мы рассказывали выше, был делегатом печально известного 17-го съезда ВКП(б) и тоже был расстрелян в 1937 году.

Вот текст обозначенной телеграммы:

«Мск. Кремль Ленину

Прин. 18.11.1918 г.

Мск 8 арм. тел к-ра 358/361, 176, 18 15 35

Мск Кремль Ленину копия Сталину – Начальник второй дивизии Аусем ответственный коммунист сообщил мне что Унече Щорс командир Богунского полка и Иванов председатель Унечского Ревкома дают вам неточную информацию о положении в германских частях словам Аусема настроение большинства германских солдат неопределенное независимое. Переговоры ведутся с комитетами отдельных пограничных рот. Интернационалисты, посланные федерацией сообщают из Унечи, что германские солдаты находятся под сильным влиянием офицеров, ведущих контр-агитацию. Нами представлено Щорсу Иванову право доклада по прямому проводу и инициативу действий. На этом основании Щорс командир полка и командир первой дивизии Петренко задерживает исполнение приказа Реввоенсовета резервной о переброске дивизии на другой участок фронта. Дивизия переводится и

переформируется ввиду сильного разложения в частях командный состав бывшие начальники партизанских отрядов всячески тормозят переорганизацию частей. Нами в район Унечи послан член ЦК Аким член коллегии Политического отдела Второй дивизии Черноусов и интернационалисты. Просим доверять их информации как людей партийно ответственных информация Щорса Иванова малоценна просим также разъяснить Щорсу что телеграмма товарища Ленина не освобождает его от исполнения военных приказов.

Секретарь ЦК (подпись отсутствует)».

Как мы видим, сообщаемые в последней телеграмме сведения о ситуации с немецкими солдатами, существенно рознятся с той информацией, что посылали в Москву Щорс и Иванов.

Докладывая ситуацию, автор приведенной выше телеграммы ссылается на информацию, которую ему представил начальник второй дивизии Ауссем. Речь идет о Владимире Христиановиче Ауссеме (1882-1936) – большевике со стажем, на тот момент – начальнике 2-й Украинской советской дивизии. Летом-осенью 1918 года Ауссем был одним из руководителей повстанческих советских отрядов в районе «нейтральной полосы». Именно в нашем регионе Ауссем действовал неслучайно – он с 1906 года постоянно жил в Черниговской губернии. Очевидно, часто бывал в Унече и хорошо знал Щорса. В годы гражданской войны Ауссем занимал различные руководящие посты в органах военного управления Красной Армии. В последующие годы работал в ВСНХ РСФСР (Высшем Совете Народного Хозяйства), где курировал химическую промышленность, уполномоченным представителем Украинской ССР в Германии, председателем ВСНХ УССР, торговым представителем СССР в Турции. В 1927 году Ауссем был исключен из партии как «активный троцкист», а в мае 1929 года арестован и осужден на 3 года ссылки, которую отбывал в Казахстане. После этого в биографии Ауссема также значатся ссылки в Среднюю Азию и в Астрахань. В 1936 году Ауссем был освобожден, а в следующем, 1937 году - пропал без вести.

В.Х. Ауссем

В селе Лыщичи в честь описанных событий в 1978 году было оборудовано памятное место, а именно - заложен камень в честь 60-летия со дня братания бойцов Богунского полка с солдатами кайзеровской Германии. В последующем здесь предполагалось поставить памятник, но дальше планов дело не зашло.

После революции в Германии, большевистское руководство резко активизировало деятельность своих функционеров на местах. Так известно, что унечские коммунисты принимали участие не только в лыщичских переговорах с немцами. Известен доклад членов Унечской организации РКП(б) Ольхового и Лейбовича от 20 ноября 1918 года о поездке в села Пятовск и Покослово (совр. Стародубский район) «для переговоров с немецкими делегатами и выяснения положения дел на бывшей демаркационной линии».

Приведем текст этого доклада (курсив в скобках - мой):

«Выехав из Унечи в 12 ч. ночи, мы в 8 ч. утра 17 ноября прибыли в село Покослово, где собрались представители 2-го таращанского и 2-го Новгородсеверского полков. Отсюда с делегацией от Таращанского полка мы отправились в 11 ч. дня в д. Пятовск, за демаркационную линию, где беседовали в частном совещании с представителями Стародубского Совета Солдатских Немецких Депутатов 106 Ландверского полка. В беседе немецкие представители заявили, что они после своего ухода представляют нам свободу действий в оккупированной ими местности. На наше заявление о желании занять Стародуб до их ухода, они заявили, что против занятия они ничего не имеют, город сдадут без боя, если будут заблаговременно предупреждены о желании занять его. Однако просили воздержаться от занятия до окончания съезда дивизии в Новозыбкове, который должен закончиться 19-го. Они заявили, что они будут нейтральны, если кто-нибудь из Коммунистов войдет в Стародуб, но заявили, что они не ручаются за поведением гайдамацких войск. Гайдамаки бывают в Стародубе наездом. Главная задача, которую они ставят перед собой - это скорейшее возвращение на родину, и они желают, чтоб не было никаких кровопролитий. С Коммунистами они желают поддерживать самое дружественное настроение. Заметно, что газет и литературы поступают к немцам очень мало. Для немцев совершенно не ясно взаимоотношение между ними, гайдамаками, повстанцами, Советскими войсками. Так, когда мы пригласили на парад и торжественный обед в Покослово, то они спрашивали, почему мы не пригласили гайдамаков. Когда же им объяснили, кто такие гайдамаки, и для чего вооружены эти банды, немцы заявили, что они об этом не знали. Нужно сказать, что идеи Коммунизма, видимо, не нужны немецким солдатам. По поводу своих офицеров они заявили, что от них совершенно откололись и они солдаты за ними следят. После обмена мнений наша

и немецкая делегация двинулись с Красным знаменем и пением революционных песен в Покослово. По приезде в село была устроена торжественная встреча с речами и затем, после парада был устроен парад (вероятно опечатка, правильно – обед). Во время обеда присутствовавшие обменялись мнениями, была выработана приветственная телеграмма товарищам: Либкнехту, Ленину, Троцкому и Чичерину, подписанная 17 немцами, представителями: 2-го Таращанского, 2-го Новгородсеверского полков и Унечской Организацией РКП. После немецкая делегация вернулась обратно в Пятовск, условившись, что следующая встреча будет 19-го. По поводу Таращанского полка нам приходится сказать...» (далее, в использовавшейся электронной копии документа часть текста, к сожалению, не просматривается, однако, по имеющимся фрагментам понятно о чем идет речь – авторы доклада сообщают, что в Таращанском полку отсутствует дисциплина, процветает пьянство, картежничество и в целом Таращанский полк представляет собой гурьбу, которая «разбредется по домам по мере очищения Украины»).

Об атмосфере и дисциплине в щорсовских и боженковских частях писал в своих «Воспоминаниях» и Николай Полетика:

«Как-то в поисках работы и пайка (хлеб!!!) я забежал в казармы не то Богунского, не то Таращанского полка (конная бригада Щорса) и, найдя комиссара полка, предложил свои услуги в качестве учителя полковой школы. Комиссар, поглядев на меня, коротко спросил: «А как вы будете преподавать? Нам обычные школьные учителя не нужны. Ну, как по-вашему - кто такой Евгений Онегин? Передовой интеллигент или паразит?» Я ответил: «И то, и другое: с одной стороны он близок к декабристам, с другой - он помещик, владелец крепостных душ». Ответ понравился, и комиссар дал мне записку начальнику полковой школы о зачислении меня в преподаватели. Начальника школы на месте не оказалось, он ушел в город, и я два часа ждал его возвращения, присматриваясь к жизни красноармейцев и прислушиваясь к их разговорам. И чего только за эти два часа я не насмотрелся и чего только я не послушался! Прежде всего, какое обилие оружия у солдат! Каждый солдат был живым ходячим арсеналом. Трудно было понять, как при таком обилии оружия богунцы еще могут ходить и даже двигаться по земле: и пулеметы, и ружья, и винтовки, и обрезы, и по нескольку гранат на поясе, и маузеры, и наганы, а холодное оружие - штыки, сабли, кинжалы, финки! Далее полное отсутствие дисциплины, даже революционной! А разговорчики: либо о боях, либо о расстрелах и насилиях над евреями. Кто-то считал кольца, «собранные» им у «благодарного населения», кто-то восхвалял «сладкую жидовочку», с которой он приятно провел время, кто-то рассказывал, как он «пришел из своего винта» одного «очкарика-жида» (все «очкастые» почему-то считались врагами революционного народа, и их люто ненавидели)».

В ноябре 1918 года было принято решение о создании в Унече Совета рабочих и крестьянских депутатов, который учреждался вместо ревкома. В это же время по всем железным дорогам было введено военное положение, согласно которому все железнодорожники считались призванными на военную службу. Помимо этого, из исторических документов известно, что в 1918 году в Унече существовала железнодорожная ячейка сочувствующих партии большевиков. Так, среди ее членов по состоянию на конец декабря 1918 года известны такие фамилии, как Янович (председатель), Ефимов (секретарь), Зябкин (казначей), Пугачев, Соколов, Бабичев.

Штаб Богунского полка тем временем переместился в Найтоповичи. Здание, где в этом селе располагалось командование полка, сохранилось до настоящего времени. Сегодня это обычный жилой дом. Также в селе имеется братская могила красноармейцев Богунского полка, погибших в 1918 году. Вероятнее всего, в этой могиле хоронили богунцев, которые сложили головы в самых первых столкновениях с немцами под Унечей.

Сосредоточение войск в Найтоповичах было отмечено даже в прессе Киева, где на тот момент уже главенствовал Петлюра. Так, в газете «Киевская мысль» от 21 ноября 1918 года сообщалось:

«...В д. Найтоповичи, что в 20 верстах севернее Стародуба, замечено скопление большевистских банд пока силою до 800 человек...».

Еще одним последствием Ноябрьской революции в Германии стало аннулирование Советской Россией Брестского мира. Это событие произошло в тот же день, что и братание в Лыщичах – 13 ноября 1918 года. После этого большевиков уже ничто не связывало в реализации планов по установлению советской власти в Украине, тем более, что главное препятствие этому – немецкая армия – уже покинула страну. Приступая к воплощению этих планов, Москва срочно создает Временное рабоче-крестьянское правительство Украины во главе с Георгием Леонидовичем Пятаковым (1890-1937).

Однако, власть в Украине большевикам просто так никто отдавать не собирался. Ее нужно было завоевать силой оружия. Одну из ключевых ролей в предстоящей борьбе большевиков за Украину суждено будет сыграть Щорсу и его подразделению. С момента создания Богунского полка, Щорс и его бойцы начинали воевать с немцами, т.е. с иноземными оккупантами, но теперь должны были перенацеливаться на совершенно иного рода задачу – борьбу за власть в Украине. И соперником в этой борьбе должны были стать их соотечественники – украинцы, русские белорусы, не принявшие большевистских идеалов и не желавшие их понимать. В этом и заключался самый страшный трагизм гражданской войны в России. Брат на брата, сын на отца...

Сегодня много спорят о роли Щорса в гражданской войне, причисляя начдива то к пламенным борцам за революцию и свободу украинцев от немецкой оккупации и националистического режима Петлюры, то к палачам и военным преступникам, поднявшим оружие против собственного народа под флагом ненавистного многим большевизма. Лейтмотив большинства таких оценок имеет идеологическую и политическую окраску, впрочем, как и все споры о русской революции и гражданской войне. И спорам этим не будет конца. И правда в таких спорах у каждого своя. Историческим же фактом остается одно - Щорс был командиром советского воинского подразделения и выполнял задачи, поставленные правительством Советской России. А освобождал он Украину или же способствовал ее

оккупации большевиками – пусть читатель решит этот вопрос для себя самостоятельно.

17 ноября 1918 года был образован Реввоенсовет Украинского фронта, который уже спустя 2 дня отдал приказ о начале наступления на Украину, за которую большевикам предстояло бороться с самыми разнообразными силами. В 1918-1921 годы в Украине им противостояли войска Скоропадского, Петлюры, Украинской Галицкой армии, белогвардейцы Деникина и Врангеля, батька Махно...

Итак, Первая Украинская Советская дивизия начала свой боевой путь.

Богунский полк снимается с места дислокации и покидает Унечу. Больше Щорс в наш город никогда не вернется. По крайней мере живым (в сентябре 1919 года через Унечу тело убитого начдива будут провозить на поезде из Клинцов). К слову сказать, сам Щорс был не слишком высокого мнения о нашей малой родине, называя ее в одном из писем к Хайкиной «пакостным и грязным местом».

Тем временем немецкие войска начинают поспешную эвакуацию из Украины. Разумеется, в текущей ситуации они уже не рассматривались большевиками как военный противник - перед Первой Украинской Советской дивизией, в состав которой входил и Богунский полк Щорса, стояла задача продвигаться в направлении Киева, преодолевая сопротивление петлюровских войск. Вторая Украинская дивизия была брошена на Харьков.

8 декабря 1918 года состоялось заседание обновленного командного состава 1-й Советской Украинской дивизии.

Протокол этого заседания содержит в себе весьма любопытные подробности, дающие некоторое представление о внутренней жизни дивизии, поэтому процитируем его полностью:

«Заседание Командного состава 1-й Советской Украинской дивизии.

8 декабря 1918 года.

Присутствуют: члены Украинского временного правительства: В.К. Аверин, А. Луговой; командующий Локоташ; командир Богунского полка – Щорс, Петриковский; командир Таращанского полка Несмеян; командир штабной роты Дергачев, Черноусов.

Порядок дня:

1. Взаимоотношения командного состава и революционных органов власти.
2. Формирование бригады.
3. Упорядочение внутренней жизни дивизии.
4. Текущие дела.

Председатель – тов. Лакатош.

Секретарь – тов. Луговой.

Докладчик по первому вопросу тов. Лакатош указывает, что до сих пор дивизия и командный состав почти не считался с центральными органами власти. Этим, главным образом, объясняется та безалаберщина и дезорганизация дивизии. Во избежание печальных инцидентов прошлого, когда командный состав (главным образом) не консолидировал своих действий с органами революционной гражданской власти, необходимо это в корне изменить, для чего требуется полный контакт действий с органами революционной власти (Ревкомы, Исполкомы и их органы). Тов. Локоташ приводит пример: Крапивянский объявляет мобилизацию за одни годы, Щорс за другие, командир какой-нибудь тоже по-своему усмотрению. Необходимо уяснить себе, что повстанческая армия представляла и представляет орган Красной Армии единой Советской России. В командном составе наблюдаются нелады, взаимное неподчинение, которое отражается на массах в конечном счете, разлагая их. Это нужно в корне изменить, но что совершилось в Стародубе, в дальнейшем иметь места не может. Тов. Локоташ заканчивает призывом к сознательному отношению к революционным органам власти.

Тов. Боженко – Все это так, но жизнь говорит совершенно другое. Все валится на повстанцев, но в действительности это не так.

Тов. Боженко говорит, что повстанцы раздеты и разуты. Совершившееся в Стародубе не совсем правильно освещено. Тов. Боженко утверждает, что подчинение командному составу было и будет. Население всегда встречало повстанцев с радостью. Самочинные реквизиции объясняются недостаточностью продовольствия. От имени Таращанского полка Боженко требует расследования действий Таращанского полка и предания суду распускающих эти слухи. Мы ведем самую беспощадную борьбу с кулаками и гайдамаками. Им пощады нет.

Реквизиции мы делаем, правда, но только тогда, когда нужно. Крапивянский – это шкурник, а не коммунист. Он заботится только о себе, общих интересов он не соблюдает.

Тов. Аверин констатирует, что прения ведутся не по правильному пути. Нам необходимо выяснить отношение

комсостава к советской власти. Тов. Аверин указывает, что действительно наша армия находится в печальном положении – это правда, - это необходимо устроить, но устроить это можно только организационным путем теснейшего контакта с органами Советской власти и только тогда можно будет изменить ту неразбериху, которая, как признал тов. Боженко, творится и сейчас. Та борьба, которая ведется, как будто бы проходит под флагом самостоятельного движения вне связи с общерусской политикой. Указывая в дальнейшем о том, что действия были, дым не без огня, даже крестьяне указывают, что Таращанский полк совершал безобразия, - это, конечно, нужно выжить. Никто не говорит, что это так должно быть, деньги должны быть уплачены, солдаты одеты. Для этого необходимо сделать все возможное.

Тов. Луговой указывает, что все это происходит, благодаря неправильным действиям командного состава, которые передавались массам и действовали на них разлагающе. Указывая, что необходимо строго консолидировать свои действия с органами Советской власти. Тов. Петренко возражал против обвинений, воздвигнутых тов. Луговым на 1-ю дивизию, говорит, что вся вина падает на центр, который по его словам своими действиями слишком много помогает разложению.

Обсудив вопрос о взаимоотношениях между командным составом и революционными органами власти 1-й дивизии, Совет Армии постановил:

1. Разграничить сферу влияния, избегая всячески какого бы то ни было вмешательства во внутреннюю жизнь и распорядок ревкомов и т.д., подчинив всю работу фронта установлению само теснейшей связи с тылом, зная, что победа будет обеспечена в том случае, если фронт, опираясь на тыл будет черпать из него материальные и духовные силы.
2. По вопросу формирования бригады тов. Локотоша говорит, что центр совершенно не знает о количестве штыков. Военным Советом отдано распоряжение о сформировании бригады тов. Локотоша вместо 1-й дивизии. Получено распоряжение (оглашается) от 5 декабря 1918 года за №14.

Тов. Петренко указывает, что штаб может давать общий оперативный план, но расположение полков, рот уже производится непосредственно сообразуясь с данными условиями.

Касаясь вопроса о сворачивании 1-й дивизии, батальон тов. Петренко не находит это нужным. Необходимо составить остов существующих полков. Пополнение идет быстрым темпом. Полки растут. Возможно, что полки придется развернуть в бригады. Что касается слития артиллерии и кавалерии, то это возможно. Тов. Локотош говорит, что кавалерию необходимо свернуть - это является первой необходимостью. Гораздо выгоднее иметь крупное свидание кавалерии. Тов. Петренко соглашается.

Тов. Аверин высказывается за свернутые дивизии в бригаду. Тов. Щорс помогает, что это технически невыполнимо. Для этого нужно стянуть все части в Стародуб, а это может повлечь за собой занятие противником уже нами занятых местностей. Тов. Локотош предлагает бывшему Нежинскому полку соединиться с Богунским.

Постановление: Просить у Аверина доложить Военному Совету с технической и стратегической невозможности переименования дивизии в бригаду.

Названия дивизии изменяются: 1-я Советская дивизия. Названия полков:

1-й Советский Богунский полк,

2-й Советский Таращанский полк,

3-й Советский Новгород-Северский полк.

Нежинская рота вливается в 1-й Советский Богунский полк.

Председатель /Лакатош/»

Из процитированного выше мы видим, что бойцы Боженко не брезговали осуществлением в отношении местного населения откровенного мародерства, которое для большего благозвучия именовалось реквизициями.

Разумеется, не оставим в стороне от затронутой темы и Богунский полк. О том, что реквизициями промышляли и богунцы, а также о том, что содержание Богунского полка для местных властей и населения было весьма обременительным, свидетельствует следующий исторический документ:

«В Штаб Орловского Военного Округа, копия Районному Продовольственному Комиссариату и Народному Комиссару по Продовольствию – ЦЮРЮПЕ

От Суражского Уездного Продовольственного Комиссариата.

З А Я В Л Е Н И Е

Согласно постановления Суражского Уездного Исполнительного Комитета от 28-го Октября 1918 года за №... в силу ниже изложенных причин, Уездный Продовольственный Комиссариат просит о скорейшем отзывании из г. Суража отряда особого назначения т. ПОДВОЙСКОГО и из местечка Унеча Суражского Уезда Украинского полка имени тов.

БОГУНА или немедленном принятии их на довольствие из Центра.

Основание для настоящей просьбы Суражский Уездный Исполнительный Комитет считает:

1. Суражский уезд является потребляющим уездом, в который ежегодно ввозится около 160000 пудов хлеба. В настоящее время на ввоз хлеба рассчитывать нельзя, уезду предложено прожить своим хлебом до урожая 1919 года, а потому каждый лишний рот является тяжестью, которая ускорит катастрофическое положение.
2. Проводя намеченную Рабоче-Крестьянским Правительством общегосударственную хлебную монополию Уездный Продовольственный Комиссариат запретил частную торговлю хлебными продуктами и в то-же время будучи вынужден снабжать вышеуказанные воинские части, местные военкомы, пограничные отряды и местные отряды специального назначения до сего времени не может дать населению города несколько хлеба. Вследствие такого положения недовольство властью среди жителей сильно растет и в случае могущих произойти на почве голода эксцессов, Исполнительный Комитет слагает с себя всякую ответственность.
3. За последнее время между Штабом Богунского полка и местными органами управления на почве снабжения полка продовольствием происходят часто недоразумения, которые могут вылиться в самые опасные формы. Дело в том, что Штаб Богунского Полка без ведома Уездного Военного Комиссариата производит мобилизации лошадей, повозок и др. предметов без ведома Уездного Продовольственного Комиссариата реквизирует всякого рода продовольственные продукты в то время, как на Продовольственный Комиссариат возложена строгая ответственность за каждый заготовленный в уезде пуд продовольствия. Вся работа по учету продовольствия сводится к нулю, так как мы не знаем, где произведены реквизиции Богунским полком.
4. Волостные и Сельские Советы, из прилегаемого в пос. Унеча району все чаще и чаще обращаются к нам с заявлениями о том, что в районе происходят постоянные реквизиции хлеба, что деньги за реквизируемые продукты часто не уплачивают и что отбирается часто последний хлеб у крестьян.
5. Работа Уездного Продовольственного Комиссариата за последнее время стала невыносимой еще и потому, что отдельные представители вышеозначенных воинских частей скрепляют свои требования о предоставлении им продовольствия угрозами арестов и расстрелов по отношению к работникам Продовольственного Комиссариата.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно: Секретарь (подпись)».

Из этого документа мы видим, что отношения между Богунским полком и местными властями были, мягко говоря, не безоблачными. Но таковы были реалии гражданской войны. О полноценном централизованном обеспечении Красной Армии всем необходимым в те смутные и голодные годы не могло быть и речи, поэтому такой вид «снабжения», как экспроприации и контрибуции использовался довольно широко.

Впрочем, справедливости ради отметим, что грабеж местного населения практиковали на Стародубщине и гайдамаки. Причем, последние, по воспоминаниям старожилов, преуспели в грабежах, насилии и убийствах куда как больше, нежели таращанцы и богунцы. Особенно пострадали от действий гайдамаков мирные жители Клинцов и Новозыбкова. В Унече, по понятным причинам, гайдамаков не было.

Еще одним «большим местом», как видно из приведенных документов, были взаимоотношения между вчерашними повстанцами и органами революционной власти. Так, мы видим, что новый начдив Локотш на заседании прямо указывал, что «до сих пор дивизия и командный состав почти не считался с центральными органами власти».

Существование указанной проблемы подтверждается и другими источниками. Так, еще 5 октября 1918 года в Унече состоялось партийное собрание, в протоколе которого, в числе прочих вопросов, было отмечено сообщение начальника железнодорожной охраны Воловича о том, что в Унечу из Стародуба направляется оставшийся без руководства и превратившийся в полуанархическую банду Таращанский полк, с целью разгрома революционной власти на станции.

В украинской газете «Южный край» за 9 ноября 1918 года была опубликована такая заметка:

«...В районе прежних боев - у Стародуба и Новгород-Северска, большевики сейчас имеют ничтожные силы. Кроме того, здесь произошла междоусобная драка между великорусскими и украинскими большевиками, так называемая, «таращанская красная дивизия» отказалась признавать распоряжения центральных советских властей и начала производить «операции» самостоятельно. Никакие увещевания комиссаров не помогли и в настоящее время из центральной России прибыли на станцию Унеча красноармейские части для укрощения «таращанцев». С обеих сторон ведется правильное наступление. В районе Унеча - Погар все время слышны орудийная и пулеметная стрельба...».

Впрочем, дальнейшие события показали, что каких-то серьезных негативных последствий для стратегии большевиков «самостийные» мятежные настроения богунцев и таращанцев не имели, поскольку и Щорс, и Боженко в целом выполняли поставленные перед ними военные задачи.

После начала украинского похода, ближайшей целью Богунского полка стали Клинцы, бои за которые начались с конца ноября 1918 года. На территории Стародубщины, в том числе и в боях за Клинцы, бойцам Щорса противостояла украинская Серожупанная дивизия, которая с сентября 1918 года дислоцировалась в незанятых большевиками регионах Стародубщины. Количество «серожупанников» составляло немногим более 1000 человек, однако, в дальнейшем, после прихода к власти Петлюры, дивизия пополнилась новобранцами. Помимо гайдамаков, под Клинцами в противостояние с богунцами в отдельных эпизодах вступали и немецкие подразделения.

Германский генерал от артиллерии фон Гронау доносил об этих событиях следующее:

«Под защитой густого тумана наступили 28 ноября в 9 часов утра четыреста большевиков с юга и юго-запада и через несколько времени еще 300 с востока на Клинцы. В первом переполохе удалось им занять станцию ж.д. Бойкое контрнаступление, исполненное под начальством капитана Коспоть вторым батальоном 106 герм. полка и отдел. гусар при весьма удачной помощи герм. арт. полка № 19 отняло от неприятеля вокзал и отбила ворвавшегося с востока неприятеля. Он бежал от герм. натиска, оставив в руках немцев много убитых и раненых, а так же 12 пленных и 5 пулеметов. В 3 часа дня вновь отряд большевиков в числе 300 человек повторил наступление с севера. Их атака достигла проволочных заграждений города и была здесь разбита огнем нашей пехоты. Пятая рота герм. пех. полка взяла контратакой несколько пленных и два пулемета. Наши движения исполнялись под начальством подполковника Шульца. Украинская милиция главным образом участвовала при защите. Благодарю войско и вождей за сданную осанку и храбрость. Они отразили злонамеренных, превосходящего числом неприятеля от наших жел. дор. путей района концентрирования. Это было важно для всего корпуса и для наших товарищей, возвращающихся с юга Украины на Родину...».

Первые ноябрьские попытки взять Клинцы не увенчались успехом и Щорс взял паузу.

25 ноября 1918 года силами Таращанского полка был занят Стародуб. В ближайшие дни вся территория в окрестностях Стародуба была очищена от гайдамаков и немцев.

Попытки взять Клинцы возобновились в первой декаде декабря 1918 года. На тот момент немцы еще находились в городе и их присутствие было серьезной помехой для Щорса. Однако, вопрос с немцами был разрешен мирно. Так, еще раньше Щорс отдал приказ бойцам 1-го батальона Таращанского полка занять железнодорожный разъезд Святцы между Клинцами и Новозыбковом и тем самым перекрыть путь для отступления немцам, которым уже не терпелось скорее отправиться домой. 9 декабря 1918 года таращанцы заняли разъезд, куда немцы немедленно выслали отряд с орудием и пулеметами. Немцам удалось разоружить 2 взвода эскадрона Таращанского полка. Ситуация разрешилась путем переговоров, в ходе которых было условлено, что немцы возвращают таращанцам оружие, выходят из Клинцов без боя, а Щорс дает им право беспрепятственного проезда по железной дороге в сторону Новозыбкова и Гомеля.

После устранения с театра военных действий сильного соперника, дальнейшие события развивались по сценарию Щорса. Для гайдамаков же ситуация осложнилась еще и тем, что между ними и покидавшими Клинцы немцами начались вооруженные стычки.

13 декабря 1918 года в ходе боев с гайдамацкими частями Богунский полк занял Клинцы и в городе установилась советская власть. Вскоре сюда прибыла глава Унечской ЧК Фрума Хайкина и начала наводить в городе «революционный порядок».

К моменту занятия Клинцов Щорс уже командовал 2-й дивизионной бригадой, сформированной приказом по дивизии от 4 октября 1918 года. В состав 2-й бригады входили Богунский и Таращанский полки. В руководстве самой дивизии тоже произошли перестановки. Начдивом вместо Крапивянского был назначен бывший эсеровский боевик И.С. Локоташ (Локоташ), начальником дивизионного штаба вместо Петриковского – Фатеев.

По сути, бои за Клинцы в ноябре и декабре 1918 года были единственными более-менее значительными столкновениями богунцев с гайдамаками на территории Стародубщины. Дальнейшее продвижение бригады Щорса до границ современной Черниговской области существенного сопротивления не встретило.

25 декабря 1918 года был занят Новозыбков и сразу же за ним Злынка. По пути своего следования Богунский полк постоянно пополнялся новыми добровольцами. Спустя четыре дня Щорс уже находился на родной земле. 29 декабря 1918 года был практически полностью освобожден Городнянский уезд Черниговщины. В частности, в Городне состоялся первый серьезный бой Богунского полка с гайдамаками (регулярные войска УНР). Примерно в это же время в указанный район прибывает и Таращанский полк батьки Боженко, который, ранее дислоцировался в соседнем с Унечей Стародубе и двигался в направлении Чернигова через Климово. Именно таращанцы в первый день 1919 года вошли в Городню, а еще днем раньше освободили родной город Щорса Сновск.

В конце 1918 года немецкие войска покинули Украину. Вместе с ними в Берлин эмигрировал и украинский гетман Павел Петрович Скоропадский (1873-1945). Его бегству предшествовали следующие события. После того, как стало очевидным, что главная опора Скоропадского – немецкая армия – намерена эвакуироваться из Украины, гетман попытался опереться на Антанту и Белое движение. Для этого он отказался от лозунга независимой Украины и объявил о готовности воевать за воссоздание единой России вместе с Белой Армией. Однако, эти планам не суждено было сбыться, поскольку в декабре 1918 года он был свергнут лидерами Украинского национального союза Петлюрой и Винниченко. 14 декабря 1918 года Скоропадский официально отказался от власти и покинул Киев.

Расскажем немного о личности Павла Скоропадского, поскольку к нашей малой родине он имеет самое непосредственное отношение. Последний гетман Украины был праправнуком Василия Ильича Скоропадского - родного брата бывшего Стародубского полковника и украинского гетмана Ивана Скоропадского. А по материнской линии П.П. Скоропадский происходил из стародубского рода Миклашевских и был прямым потомком Стародубского полковника Михаила Миклашевского, приходясь последнему прапрапраправнуком. Родителями последнего украинского гетмана были Петр Иванович Скоропадский (1834-1885) и Мария Андреевна Миклашевская (1839-1900).

Павел Скоропадский родился в Германии, однако в детские годы часто бывал на Стародубщине, где его отец, Петр Иванович Скоропадский (1834-1885) был предводителем уездного дворянства и владел имением.

Павел Скоропадский

«Помню, когда наступала осень, мы переезжали в ранние годы моего детства сначала в Брезгуновку, имение моего отца под Стародубом, а потом, к зиме, и в самый Стародуб, где оставались до весны...» (из книги П.П. Скоропадского «Воспоминания»). В годы более позднего детства Павел Скоропадский регулярно приезжал в Стародуб для сдачи экзаменов в местной гимназии. Постоянным же местом жительства семьи Скоропадских был городок Тростянец (совр. Сумская область).

В 1-ю мировую войну Павел Скоропадский командовал дивизией, затем корпусом. С октября 1917 года - глава военных формирований Центральной рады. В конце 1918 года, как и его предок, стал именоваться гетманом Украины, провозгласив создание «Украинской державы». В 1918-1945 годах жил в Германии. Был центром притяжения монархического крыла украинской эмиграции. Многими он обвиняется в активном сотрудничестве с нацистами в период нахождения у власти Гитлера. В апреле 1945 года Скоропадский бежал из осажденного Берлина на юг, но по дороге попал под бомбардировку союзной авиации и был смертельно ранен. Умер 26 апреля 1945 года в одном из баварских госпиталей. После войны Павел Скоропадский был похоронен на кладбище немецкого города Оберсдорф в Баварии, где покоятся и другие представители рода Скоропадских. Оставил после себя троих дочерей и троих сыновей. Один из них – Данила Скоропадский после смерти отца продолжил развивать его политические идеи, однако, в 1957 году внезапно скончался. Его скоропостижная смерть вызвала многочисленные толки о причастности к этому советских спецслужб. Сейчас многочисленные потомки Павла Скоропадского проживают, преимущественно, в европейских странах.

Итак, после бегства Скоропадского власть в Украине перешла в руки еще более враждебной большевизму Директории во главе с В.К. Винниченко (1880-1951) и С.В. Петлюрой (1879-1926).

Руководители Директории понимали, что их вооруженные силы имеют не слишком большой потенциал, а посему в преддверии борьбы с большевиками очень рассчитывали на помощь англо-французских войск, высадившихся в Одессе, а также уповали на резервы из Галиции.

12 января 1919 года в результате упорных боев бойцами Богунского полка был взят Чернигов, в котором стоял крупный петлюровский корпус, неплохо вооруженный артиллерией и даже броневиками.

Любопытная вещь – даже в дни активных боев с петлюровцами Щорс заботился о выплате жалования своим солдатам. Вот одна из его январских телеграмм по этому поводу:

«Телеграмма

Послана 13.1.1919 г.
Корюковка Начдиву Локоташу
Из штаба Богунского полка

Я хочу знать жалование Богунскому полку будет выслано только тогда, когда будут отосланы трофеи в виде пулеметов и орудий или я неправильно понял, если это так, то подтвердите, что касается высылки казначея Лугинца то за деньгами в дивизию послал начальник хозяйственной части тов. Ладоха с доверенностью на получение по спискам на желание (жалование) для полка.

Командир полка – Щорс».

Озабоченность Щорса своевременной выплатой жалования вполне могла быть вызвана недовольством среди бойцов, большинство из которых на голом энтузиазме, очевидно, воевать не желали.

К концу января 1919 года дивизия освободила крупные центры Черниговщины Остер и Нежин, а к началу февраля 1919 года Щорс уже стоял на ближних подступах к Киеву. Дальнейшие события показали, что взятие украинской столицы оказалось не слишком сложной задачей, поскольку Директория имела в Киеве недостаточно боеспособное войско и Петлюра сдал город практически без боя.

1 февраля 1919 года Богунский и Таращанский полки практически одновременно вошли в Бровары и, не дожидаясь подхода остальных дивизионных сил, начали готовиться к наступлению на Киев. Именно здесь, в Броварах состоялась встреча Щорса с командующим Украинским фронтом Владимиром Антоновым-Овсеенко. Впоследствии тот опишет эту встречу в своих мемуарах так:

«... Познакомились с командным составом дивизии. Щорс – командир 1-го полка (бывший штабс-капитан), суховатый, подобранный, с твердым взглядом, резкими четкими движениями. Красноармейцы любили его за заботливость и храбрость, командиры уважали за толковость, ясность и находчивость...».

Как мы видим, характеристика весьма лестная. Однако, в целом, известные из архивных документов личные характеристики Щорса, зачастую, существенно разнятся. Так, в отчете о деятельности Высшей военной инспекции Украины с 29 января по 23 августа 1919 года говорится: «Начдив тов. Щорс, бывший поручик никакой подготовки и опыта к нынешней своей должности не имел. Болезненно самолюбив, мало дисциплинирован, в обращении с подчиненными он иногда лгисто заискивает, а иногда строг...».

Основные силы 1-й дивизии вступили в Киев 6 февраля 1919 года в районе Печерска. На следующий же день Антонов-Овсеенко огласил телеграмму из центра о вручении Богунскому и Таращанскому полкам почетных красных знамен, а их командирам Щорсу и Боженко – наградного оружия. После взятия Киева, согласно распоряжению начальника дивизии Локотоша, Щорс был назначен комендантом украинской столицы - города, в котором он провел свои юношеские годы. В течение десяти дней Щорс был полновластным хозяином Киева, расположив свою комендатуру на углу Крещатика и Думской площади (ныне Майдан Незалежности). О времени его пребывания в этом городе имеются весьма противоречивые сведения. Кое-кто упрекает Щорса в излишней жестокости и произволе, в том числе, реквизициях имущества и денег у населения, расстрелах без суда и следствия. Другие, напротив, акцентируют внимание на конструктивных делах Щорса.

Исследователи гражданской войны в Украине часто любят сравнивать командира богунцев Щорса с еще одним дивизионным военачальником - командиром Таращанского полка, «батькой» Боженко. Вместе с тем, это были люди весьма разного склада.

Из биографии Василия Назаровича Боженко известно, что он родился в 1871 году в селе Бережинка Херсонской губернии, в семье крестьянина. В годы первой русской революции участвовал в агитационных акциях РСДРП в Одессе, где работал столяром. В 1904 году попал под арест. Участник русско-японской войны, в царской армии имел чин фельдфебеля. В 1907 году был осужден к тюремному сроку за революционную деятельность. В 1915-1917 годах работал в Киеве красnodеревщиком. После Февральской революции 1917 года был членом Киевского Совета. После октября 1917 года – активный участник гражданской войны в Украине на стороне большевиков. Брат В.Н. Боженко – Михаил Назарович - в годы гражданской войны командовал эскадронном Богунского полка.

Василий Боженко

Довольно примечательно характеризует батьку эпизод, приключившийся весной 1919 года, когда Щорс получил от командира таращанцев из-под Новограда-Волинского телеграмму по поводу гибели жены Боженко – Феодосии Мартыновны. Вот ее содержание: «Жена моя социалистка 23 лет. Убила ее чека г. Киева. Срочно телеграфируйте расследовать о ее смерти, дайте ответ через три дня, выступим для расправы с чекой, дайте ответ, иначе не переживу. Арестовано 44 буржуя, уничтожена будет чека». Как мы видим, речь шла о том, что в Киеве погибла супруга Василия Боженко и последний обвинял в ее смерти чекистов. Как выяснилось впоследствии, жена Боженко действительно была арестована и расстреляна органами киевской ЧК. Причины ее расстрела точно неизвестны. По официальной версии произошла трагическая ошибка. Чекисты быстро извинились перед батькой, его жену похоронили в Киеве со всеми почестями и на этом инцидент был исчерпан.

Впрочем, отметим, что Боженко с преданными ему таращанцами вполне мог привести в исполнение свою угрозу о расправе с ЧК, ибо был склонен к анархизму и, судя по всему, большевистская власть, в том числе и ее передовой орган – ЧК, не являлись для него большим авторитетом.

В связи с этим, скажем, что отношения щорсовцев и таращанцев с ЧК в период их пребывания в Киеве были в целом непростыми, если не сказать конфликтными.

Да и в целом, бытует мнение, что в тот период в большевистском движении Украины шла жесткая борьба между двумя лагерями красных. Водоразделом были разные убеждения о дальнейшей судьбе Украины. Одни относились к так называемым большевикам-самостийникам, видевшим Украину самостоятельным государством в составе 3-го Интернационала. Другие были пророссийски настроены и считали, что Украина должна быть не более чем автономией в подчинении московскому правительству Советской России. С немалыми основаниями можно утверждать, что дивизия Щорса относилась к первым.

После двухнедельного отдыха в Киеве дивизия продолжила движение на запад – в направлении Фастова, который вскоре был взят. После занятия Фастова был взят курс на Бердичев и Житомир.

После взятия Бердичева, 8 марта 1919 года Щорса назначают начальником Первой Украинской советской дивизии. Это случилось во время нахождения командира в Казатине (совр. Винницкая область). Щорс сдал командование 1-м Богунским полком своему помощнику Квятеку, а сам принял от Локотоша командование дивизией, вошедшей в состав сформированной 1-й Украинской Советской армии. Таким образом, в возрасте 23 лет Щорс стал самым молодым начдивом в истории российской армии.

Начальником штаба дивизии был назначен Сергей Кассер, бывший царский офицер. Должность политкомиссара дивизии занимал тогда Исакович, который был знаком со Щорсом еще со времен Унечи, где помогал организовывать политработу в Богунском полку. Командование Богунским полком принял Казимир Квятек.

В марте 1919 года силами богунцев была взята временная столица Директории Винница, а следом за ней стратегически важная Жмеринка. В это время Петлюра, отступивший в Каменец-Подольский, получил существенное подкрепление из Галиции и к концу марта 1919 года начал контрнаступление на киевском направлении. В результате наступления петлюровским войскам при поддержке галичан и белополяков удалось занять Житомир, Бердичев, Коростень и тем самым открыть себе прямой путь на украинскую столицу. Для исправления сложившегося положения из-под Винницы в район станции Городянка были срочно переброшены Богунский и Таращанский полки и преградили тем самым путь Петлюре на Киев. Завязались упорные бои, в результате которых Петлюра вскоре был вынужден отступить на запад.

В мае 1919 года 1-я Украинская дивизия добилась существенных успехов, продвинувшись глубоко на запад Украины. Щорсовцам удалось занять такие стратегически важные города, как Дубно, Ровно и Острог.

Следует отметить, что весной 1919 года 1-я Украинская дивизия Щорса представляла собой весьма крупное и боеспособное соединение, которое играло ключевую роль на всем киевском военном театре украинского фронта. Личный состав дивизии насчитывал около 12 тысяч бойцов. На вооружении дивизии, не считая персонального стрелкового и сабельного оружия, имелось более 200 пулеметов, около 20 арторудий, 10 минометов, бомбометы и даже бронепоезд. Также дивизия располагала собственным авиаотрядом, имела в своем составе батальон связи и маршевое подразделение. Основные силы дивизии были представлены четырьмя полками: Богунским (командир Квятек), Таращанским (Боженко), Нежинским (Черняк) и 4-м полком (Антонюк). По этническому составу дивизия Щорса была многонациональной - помимо русских, украинцев и белорусов, здесь служили также поляки, чехи, словаки, румыны и представители других народов. Имелись даже китайцы (не исключено, что это были китайские солдаты, которых в 1917 году в Унечу привезла Ф. Хайкина).

Одной из главных проблем в гражданскую войну была острая нехватка квалифицированных руководящих кадров. При стремительно растущей численности рядового состава, командный состав испытывал огромный дефицит обученных офицеров. Приходилось выдвигать на командные должности наиболее грамотных красноармейцев, выделявшихся на общем фоне своими ценными качествами. Понимая серьезность этой проблемы, Щорс в мае 1919 года издает приказ о создании в Житомире «Школы Красных командиров», для обучения в которой было отобрано около 300 красноармейцев, которые должны были постигать все премудрости командного дела. Отметим в связи с этим, что Щорса, как командира, всегда характеризовала тяга к строевой подготовке - ей он уделял повышенное внимание. Помощником начальника дивизионной школы Красных командиров в июне 1919 года был назначен М.П. Кирпонос. Здание, в котом располагалась щорсовская школа, сохранилось в Житомире до сих пор и находится на улице Пушкинской.

К началу июня 1919 года дивизия Щорса по решению Реввоенсовета республики была включена в состав 12-й Украинской армии. При этом, район боевых действий для щорсовцев не изменился - они по-прежнему действовали на западно-украинском направлении, где, как уже упоминалось, к началу лета 1919 года достигли впечатляющих успехов. Однако, вскоре на фронте наступил перелом.

Напряжение на фронтах гражданской войны достигло своего пика летом 1919 года. Ключевым плацдармом в борьбе за власть для большевиков становилась Украина, где события развивались весьма угрожающим для красных образом. На юге и востоке Украины активно наступали белогвардейские подразделения, а с запада и юго-запада крепко нажимали совместные силы поляков и петлюровцев. Говоря о западном направлении, отметим, что, по большому счету, весь этот фронт держала дивизия Щорса, которая должна была противостоять ожидавшемуся здесь натиску петлюровцев, галичан и поляков. И этот натиск не заставил себя ждать.

Мощное наступление петлюровских войск началось с прорыва фронта у города Проскурова (совр. Хмельницкий). Вскоре пали Староконстантинов и Шепетовка. В это же время на севере поляки взяли Сарны и продолжили движение в направлении Киева. В таких условиях возникла серьезная угроза потери Житомира, который был ключевым пунктом на пути к украинской столице.

Для исправления ситуации большевистское командование в июне-июле 1919 года разработало план контрнаступления, в результате которого Щорсу удалось отбить Староконстантинов, Жмеринку и Проскуров, отбросив петлюровцев за реку Збруч (левый приток Днестра на Подольской возвышенности).

Однако, 16 июля 1919 года Украинская Галицкая Армия вновь перешла в наступление. Одновременно с ней с запада выдвинулись белополяки. Щорс организует отступление в район Коростеня, оставляя город за городом.

В это время до начдива доходят известия о гибели полковых командиров Боженко и Черняка. 19 августа 1919 года Щорс присутствовал на траурной церемонии прощания с командиром тарашанцев. По официальной версии батька Боженко скоропостижно скончался в результате язвы желудка, по другой версии, был отравлен агентами петлюровской контрразведки. Существует также мнение о том, что его отравили агенты ЧК. О смерти Тимофея Черняка сообщалось, что он был зверски убит в Здолбунове (совр. Ровенская область) пробравшимися в расположение Новгород-Северской бригады петлюровцами. По другой версии Черняк был убит в результате бунта, поднятого ротой галичан, входившей в состав его бригады. Вольно-невольню, но обращает на себя внимание такая интересная деталь: все три командира – Щорс, Боженко и Черняк, когда-то вместе начинавших поход на Украину, погибли при достоверно невыясненных обстоятельствах практически в одно время – в августе 1919 года.

Церемония прощания с Боженко

Находясь в Коростене, Щорс получает приказ любыми силами удержать город как можно дольше. Это было очень важно для большевиков, т.к. через Коростень эвакуировался Киев, на который с юга уже наступал Деникин.

После потери Киева, перед Щорсом, дивизия которого находилась под Житомиром, встала задача эвакуироваться из этого района, поскольку начдив уже практически находился в клещах: с запада наступали поляки, на юго-западе - Петлюра, южнее - Махно, с востока - деникинцы.

Находясь у Коростеня, начдив начал организацию отступления, при этом его дивизия регулярно вступала в бой с наступающими с запада войсками Петлюры. К этому моменту дивизия Щорса уже стала именоваться 44-й стрелковой. Ее образовали путем объединения под началом Щорса 1-й Украинской Советской и 44-й пограничной дивизий (командир И.Н. Дубовой). Дивизионные полки получили новую нумерацию: 1-й, 2-й и 3-й Богунские полки были переименованы в 388-й, 389-й и 390-й Богунские полки, соответственно.

Начиналась вторая половина августа 1919 года. Щорсу оставалось жить ровно две недели.

Официально озвученная версия гибели Щорса звучала следующим образом: начдив погиб на поле боя у села Белошица (ныне - Щорсовка) недалеко от Коростеня от пулевого ранения в голову, которое причинил ему петлюровский пулеметчик, засевший у железнодорожной будки. Здесь сразу следует сказать, что главным источником этой версии были Иван Дубовой, служивший в 44-й дивизии заместителем Щорса и командир Богунского полка Казимир Квятек, находившиеся в момент гибели начдива в непосредственной близости от него.

Это случилось 30 августа 1919 года. Перед началом боя командир и Дубовой прибыли в окрестности села Белошица, где бойцы 3-го батальона Богунского полка (командир – Ф. Гавриченко) залегли в цепь, готовясь к бою с петлюровцами. Богунцы рассредоточились вдоль железнодорожной насыпи на краю небольшого леса, а впереди, примерно в 200 метрах от насыпи, стояла железнодорожная будка, в которой петлюровцы организовали огневую пулеметную точку. Когда Щорс находился на позициях, противник открыл сильный пулеметный огонь, в радиус действия которого попал и начдив. Со слов Дубового, огонь был настолько сильным, что вынудил их залечь на землю. Щорс начал рассматривать в бинокль пулеметную позицию противника и в этот момент роковая пуля настигла его, попав прямо в голову. Спустя 15 минут командир скончался. Иван Дубовой, который, как долгое время считалось, был единственным свидетелем гибели Щорса, утверждал, что он лично бинтовал Щорсу простреленную голову и в это самое время командир умер буквально у него на руках. Входное пулевое отверстие, по утверждению Дубового, находилось спереди, в районе левого виска, а вышла пуля сзади.

Такая геройская версия гибели красного командира вполне устраивала политическую верхушку страны Советов и

долгое время под сомнение никем не ставилась.

Лишь спустя много лет стали известны обстоятельства, давшие богатую пищу для размышлений о достоверности озвученной выше версии. Но об этом речь пойдет ниже.

После гибели Щорса его тело без вскрытия и медицинского освидетельствования было переправлено в Коростень, а оттуда траурным поездом в Клинцы, где состоялась церемония прощания родственников и сослуживцев с начдивом. Тело Щорса в Клинцах встречали Хайкина и Е.А. Щаденко (1885-1951) – тот самый Щаденко, который в годы Великой Отечественной был заместителем наркома обороны СССР. Из Сновска срочно приехали отец и сестра Щорса. В Клинцах тело начдива забальзамировали, запаяли в цинковый гроб и затем товарным поездом отправили в Самару, где его и похоронили 12 (по другим данным 14) сентября 1919 года, в том же гробу на местном Всехсвятском кладбище. Похороны прошли тихо и скромно. В процессии участвовала Ф. Хайкина, а также красноармейцы, в том числе и богунцы - боевые соратники Щорса. Почему местом погребения Щорса была выбрана именно Самара, доподлинно неизвестно. Существуют лишь версии, из которых выделим три основных:

1) Щорс был вывезен в далекую Самару и тайно похоронен подальше от родных мест по распоряжению большевистской верхушки, пытавшейся таким образом скрыть истинные причины гибели командира;

2) Командира не стали хоронить на родине, поскольку опасались, что его могила, находясь в зоне активных боевых действий, может стать объектом вандализма со стороны неприятелей, как это произошло с погибшим в Житомире в августе 1919 года Боженко. Над трупом последнего жестоко надругались петлюровцы: они извлекли тело Боженко из могилы, привязали к двум лошадям и разорвали на части. Никого не оправдывая, отметим, что проходившая накануне этих омерзительных событий процедура похорон Боженко выглядела тоже весьма непристойно – батюку похоронили на старом лютеранском кладбище в семейном склепе недавно умершего местного барона, останки которого предварительно были выброшены из гроба, а на его место положили тело Боженко. В связи с рассматриваемой версией, приведем строки Ф. Хайкиной из выпущенного ею в 1935 году сборника «Легендарный начдив»: «...Бойцы, как дети, плакали у его гроба. Это были тяжелые времена для молодой советской республики. Враг, чувствующий близкую гибель, делал последние отчаянные усилия. Озверевшие банды жестоко расправлялись не только с живыми бойцами, но издевались и над трупами погибших. Мы не могли оставить Щорса на надругательство врагу... Политотдел армии запретил хоронить Щорса в угрожаемых местностях. С гробом товарища поехали мы на север. У тела, положенного в цинковый гроб, стоял бессменный почетный караул. Мы решили похоронить его в Самаре».

3) Есть сведения, что у супруги Щорса – Ф. Хайкиной, в то время в Самаре жили родители, бежавшие из Новозыбокова весной 1918 года при подходе к городу немцев. Именно поэтому было принято решение о похоронах командира в городе на Волге. К тому же Хайкина на тот момент уже была беременна и ей вскоре предстояло рожать, поэтому, возможно, она предпочла уехать на это время к родителям. Хотя точные место и время рождения их совместной с Щорсом дочери Валентины неизвестны. В пользу этой версии косвенно свидетельствует и такой немаловажный факт: с началом Великой Отечественной войны Фрума Хайкина эвакуировалась с дочерью из Москвы не куда-нибудь, а именно в Куйбышев.

После смерти Щорса командование дивизией принял его помощник Иван Наумович Дубовой (1896-1938). Под его началом дивизия вскоре добилась значительных успехов на полях гражданской войны в Украине.

Иван Дубовой

О Дубовом известно, что он родился в 1896 году в Чигиринском уезде Киевской губернии, происходил из крестьянской семьи. До 1917 года учился в Киевском коммерческом институте, затем служил в армии. В июне 1917 года, еще в период военной службы, вступил в РСДРП(б). Участвовал в установлении Советской власти в Сибири и на Донбассе. С февраля 1918 года Дубовой был командиром отряда Красной Гвардии в Бахмуте (совр. Артемовск Донецкой области), затем военным комиссаром Новомакеевского района, комендантом Центрального штаба Красной Гвардии Донбасса, помощником начальника штаба 10-й армии. Летом и осенью 1918 года участвовал в обороне Царицына.

В феврале 1919 года Дубовой был назначен начальником штаба группы войск Киевского направления Украинского фронта, затем стал начальником штаба 1-й Украинской Советской армии, в мае-июле 1919 года исполнял должность

командующего 1-й Украинской Советской армии.

Пути Щорса и Дубового пересеклись в июле 1919 года, когда последний был назначен начальником 3-й пограничной дивизии, а затем начальником 44-й стрелковой дивизии. В начале августа 1919 года, после объединения 44-й стрелковой дивизии с 1-й Украинской Советской дивизией, Дубовой стал заместителем Щорса, а после смерти последнего, как мы уже говорили, занял место начдива.

К 1935 году Дубовой дослужился до должности командующего войсками Харьковского военного округа, но вскоре был арестован. О причинах и обстоятельствах его ареста мы еще расскажем.

До середины 30-х годов прошлого века имя Щорса было практически неизвестно широким народным массам, хотя в Украине о нем помнили многие. Но все резко поменялось в 1935 году, когда Сталин поручил известному советскому режиссеру Александру Довженко (1894-1956) снять историко-революционный фильм о Щорсе. Это был чисто идеологический заказ на создание пропагандистского фильма в пафосном революционном стиле. И Довженко выполнил этот заказ на совесть. После выхода фильма на экраны, «украинский Чапаев», которым по замыслу Сталина должен был стать Щорс, завоевал у советского зрителя невероятную популярность и явно способствовал искусственной советизации массового сознания украинцев, поскольку в фильме Щорс позиционировался как выходец из украинского народа, горячо сражавшийся за большевистские идеалы. Однако, созданный в фильме образ начдива, имел мало общего со Щорсом настоящим.

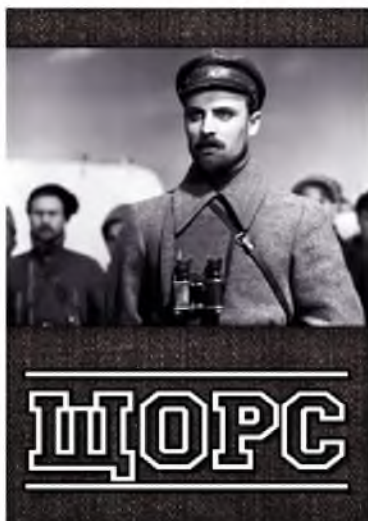
Александр Довженко

Сталин выбрал на роль главного украинского героя гражданской войны Щорса, видимо, неслучайно. Наверняка Сталин знал о Щорсе, поскольку в свое время вождь был членом Реввоенсовета группы войск Курского направления, т.е. фактически Украинского фронта, на котором дивизия Щорса играла одну из ключевых ролей. Однако, почему из всех возможных вариантов на роль «легенды» Сталин выбрал такую второстепенную фигуру гражданской войны, как Щорс, сказать сложно.

Выполняя заказ Сталина, Довженко прекрасно осознавал, что создаваемая им красивая история о пламенном революционере Щорсе имеет мало общего с реальностью. Режиссер не мог этого не понимать, т.к. собрал и изучил огромное количество архивных материалов, касающихся биографии Щорса. Судьба собранного Довженко и его коллегами более чем двадцатитомного архива, включавшего в себя массу уникальных документов-первоисточников, неизвестна до сих пор. Несмотря на собранные сведения о Щорсе, Довженко в угоду политической конъюнктуры был вынужден снять фильм таким, каким хотел его видеть хозяин Кремля, лично контролировавший ход работы. Кроме того, за деятельностью Довженко на протяжении всего периода съемок пристально следили органы госбезопасности.

Фильм о Щорсе снимался в Украине. Специально для съемок на студии в Киеве был построен огромный павильон, который так и назывался – «щорсовский». На роль начдива был приглашен совершенно непохожий на него актер Евгений Валерианович Самойлов (1912-2006). Консультировал съемочную группу лично Иван Дубовой. По просьбе Довженко своими воспоминаниями также поделились близкие соратники начдива – братья Лугинцы, Владимир Исакович, Сергей Петренко-Петриковский.

Кино о Щорсе снимали два года и, наконец, в мае 1939 года фильм вышел на экраны. Картина имела колоссальный успех. Ажиотаж был таков, что в первые несколько недель проката ее посмотрели около 30 миллионов зрителей. Остался доволен и главный «заказчик» фильма, а посему в 1941 году кинокартине «Щорс», а также ее автору и исполнителю главной роли была присуждена Сталинская премия – в те годы знак наивысшего признания.

Кадр из фильма "Щорс"

Отметим одну интересную деталь – мастер кинематографа, сделавший Щорса всесоюзной знаменитостью, был земляком и почти одногодком начдива. Александр Довженко появился на свет в 1894 году в селе Сосница Черниговской губернии, что в нескольких десятках верст от родины Щорса - Сновска. Сегодня это два районных центра Черниговской области. В каждом из них есть музей в память о прославивших свою малую родину земляках.

И наконец, еще один довольно примечательный факт из биографии режиссера: Довженко в годы гражданской войны, до того как перейти на сторону большевиков, был весьма вдохновлен идеями украинской национальной государственности и, видимо, по этой причине находился в рядах сторонников Центральной Рады, сражаясь в войсках Петлюры – основного противника Щорса.

После выхода фильма в прокат, имя Щорса гремело по всей стране. Его именем стали называть улицы, площади и даже города. Во второй половине 30-х годов композитор Матвей Блантер на стихи Михаила Голодного написал знаменитую песню о Щорсе – «Шел отряд по берегу...».

При такой громкой славе, весьма странным выглядит тот факт, что широкой общественности не было известно не только точное месторасположение могилы Щорса, но и населенный пункт, в котором она находится. Даже абсолютное большинство самарцев не подозревало, что ставший в одночасье легендой красный командир похоронен в их родном городе. Поиски могилы Щорса во второй половине 30-х годов успехом не увенчались. Сложно сказать, по какой причине, хотя, представляется, что задача эта была, хоть и непростой, но вполне решаемой.

В августе 1937 года органами НКВД был арестован бывший дивизионный заместитель Щорса - Иван Дубовой. Истинные причины его ареста назвать затруднительно. Многие историки полагают, что он не случайно был репрессирован именно в тот момент, когда из Щорса начали делать всенародно любимого героя - вероятно, Дубовой слишком много знал об истинных причинах смерти Щорса. Официально И.Н. Дубовой, занимавший на момент ареста должность командующего войсками Харьковского военного округа, был осужден по делу об организации «военно-фашистского троцкистского антисоветского заговора». Это было то самое знаменитое «дело военных», по которому проходили Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич, Примаков и многие другие видные советские военачальники. Все они были ликвидированы и Дубовой не стал исключением. Его расстреляли 29 июля 1938 года в Москве, на следующий день после вынесения приговора. В 1956 году Дубовой был посмертно реабилитирован.

Во время следствия Дубовой сделал шокирующее признание, заявив, что убийство Щорса – его рук дело. Объясняя мотивы преступления, Дубовой заявил, что убил начдива из личной ненависти и желания самому занять место начальника дивизии. В протоколе допроса Дубового от 3 декабря 1937 года записано: «Когда Щорс повернул ко мне голову и сказал эту фразу («хороший пулемет у галичан, черт побери»), я выстрелил ему в голову из нагана и попал в висок. Тогдашний командир 388-го стрелкового полка Квятек, который лежал рядом со Щорсом, закричал: «Щорса убили!» Я подполз к Щорсу, и он у меня на руках, через 10-15 минут, не приходя в сознание умер».

Помимо признания самого Дубового, аналогичные обвинения в его адрес высказал в марте 1938 года Казимир Квятек, написавший из Лефортовской тюрьмы заявление на имя наркома внутренних дел Ежова, где указал, что прямо подозревает Дубового в убийстве Щорса.

Приведем это заявление полностью:

«Народному комиссару внутренних дел
Союза ССР Николаю Ивановичу Ежову от арестованного Казимира Францевича Квятек.

Заявление

Я решил чистосердечно рассказать следствию о своей антисоветской работе и все, что известно об антисоветских делах других участников военно антисоветского заговора. Желая очиститься до конца, я считаю своим долгом рассказать Вам об одном, самом ужасном преступлении перед советским народом, виновным в котором я считаю И.Н. Дубового, бывшего командующего ХВО. Я хочу рассказать об убийстве бывшего командира 44-й стрелковой дивизии Щорса и обо всем, что приводит меня к твердой уверенности о причастности к этому делу Дубового. В конце августа 1919 года 44 я дивизия обороняла Коростень. 388-й стрелковый полк, которым я командовал, занимал оборону от деревни Могильно до Белошицы. Я прибыл на участок 3-го батальона дер. Белошицы с целью организовать контрудар накоротке, чтобы оттянуть часть сил петлюровских и галицийских частей на себя. Когда мною была подтянута резервная рота на опушку леса, отдано распоряжение и была поставлена задача, мне сообщили из штаба полка Могильно, что в 3-й батальон прибыл Щорс, его заместитель Дубовой, Семенов начартдивизиона и другие. На окраине села я встретил Щорса и доложил ему обстановку. Щорс приказал вести его на позицию. Я Щорса уговаривал не ходить на передовую линию огня, однако, он пошел к бойцам, лежащим в окопах, ведя с ними разговоры, шутил. Один из красноармейцев вдруг заявил Щорсу, что он с утра наблюдал скопление противника в домике сарае, что там имеется и пулемет и что, мол, Щорсу опасно разгуливать открыто. Семенов, начальник артдивизиона предложил обстрелять из батареи этот домик и распорядился командиру батареей перенести командирский пункт к себе, и когда был командный пункт батареи готов, принялся стрелять сам. Семенов стрелял неудачно, снаряды разбрасывал, чтобы прекратить напрасную трату снарядов, я предложил Щорсу поручить стрелять начальнику батарее Химиченко, который с 3 4 м снарядом накрыл домик показался дым, пыль, который закрыл этот домик. Спустя секунд 20 вдруг был открыт пулеметный огонь. Я лег левее Щорса, Дубовой правее, возле него. Лежа под пулеметным огнем, я обратил внимание Щорса на то, что у противника хороший боец пулеметчик, что он изучил перед собой участок и хорошо видно наблюдал. Щорс ответил мне, что пулеметчик у противника хорош, выдержанный. В это время я услышал крепкую ругань красноармейца, который говорил «кто там стреляет из револьвера», хотя я стрелявшего не видел. Разговор со Щорсом прекратился; вдруг я посмотрел на Щорса и заметил его стеклянные глаза, крикнул Дубовому - Щорс убит. Тут же я поднялся и помчался на опушку леса, 50-70 метров от позиции, к месту расположения резервной роты, штаба батальона, медицинскому пункту помощи батальона. К этому времени Дубовой уже оттянул Щорса за укрытие и приказал комбату выполнять поставленную задачу, т.е. нанести короткий удар врагу. Сам же я пошел с наступающими цепями вперед. Пройдя с ними метров 500-600, я вернулся обратно, но уже Щорса не было, его увез Дубовой в Коростень. От медсестры, да я и сам видел, что удар был Щорсу нанесен в правый висок. Он жил 20 минут, не приходя в сознание. Обращает на себя внимание, что Щорс не был похоронен в Коростене, а поспешно отправлен, с какой то паникой, на Волгу в Самару. Впоследствии были отдельные разговоры в полку, что Щорс убит своими. Причем среди бойцов шли усиленные разговоры, что Щорса убил Дубовой, чтобы занять место Щорса. Эта мысль еще тогда возникла и у меня. Я исходил из личных подозрений, исходя из обстоятельств смерти Щорса, которые я сам наблюдал. Дубового я тогда знал очень мало, так как я его видел второй раз. До этого Дубовой был начштаба 1-й Украинской Советской армии. Щорс был тем самым в подчинении у Дубового. Сам же Щорс вел жесткую борьбу с бандитизмом, внедрял революционную железную дисциплину и за бандитизм карал строго, не останавливаясь ни перед чем. В 1936 году в январе или феврале, когда Дубовой меня вербовал в контрреволюционный военный заговор, я затронул вопрос перед Дубовым, относительно картины смерти Щорса и между прочем я сказал, что Щорс погиб как то нелепо и что в полку были отдельные разговоры, указывающие на него Дубового. Он мне ответил, что не следует поднимать разговора относительно смерти Щорса, так как громадное большинство считает, что Щорс убит Петлюрой. Пусть это мнение так и остается и предложил мне, несколько волнуясь, больше об этом не говорить. Это еще больше меня убедило, что к смерти Щорса Дубовой имел непосредственное отношение.

Квятек

14.III.1938 г.

Москва Лефортовская тюрьма».

Но, несмотря на такие признания, обвинения в убийстве Щорса Дубовому никто не предъявлял. Более того, это признание вообще не имело никаких последствий. Несмотря на свою «громкость», сенсация неслышно утонула в глухих тюремных стенах и на долгие годы легла на пыльные полки габэшных архивов.

Впрочем, все это имеет вполне логичное объяснение. Щорс на тот момент уже был «всенародным героем», история его гибели воспевалась в песнях и стихах, которые передавались из миллионов уст в уста. При таких обстоятельствах, независимо от того, насколько достоверным было признание Дубового, получить от высшего руководства СССР санкцию на расследование истинных причин гибели Щорса было вряд ли возможно.

Что же касается существа изложенных Дубовым обстоятельств гибели Щорса, то их достоверность вызывает большие сомнения.

В частности, существует точка зрения, что Дубовой, сделав признание в убийстве Щорса, намеренно оговорил себя, пытаясь таким образом перенести акценты следствия с политических на чисто уголовные. Эта версия, конечно, имеет право на жизнь, однако, в ней весьма хромает логика – непонятно, каким образом признание Дубового в убийстве Щорса позволило бы ему избежать уже предъявленных обвинений в антисоветском заговоре.

Могила Щорса в Куйбышеве отыскали лишь в 1949 году. Возможно, это произошло бы и раньше, но в период войны и в послевоенные годы, видимо, было не до Щорса. Хотя, справедливости ради отметим, что место погребения начдива пытались найти еще до войны в 1939 году, но безуспешно.

Отыскать захоронение Щорса помог самарский житель по фамилии Феропонтов, который в 1919 году, будучи мальчишкой, стал случайным свидетелем церемонии похорон начдива. К этому времени Всехсвятское кладбище, где был похоронен Щорс, уже прекратило свое существование. На его месте еще в 20-х годах вырос кабельный завод,

при строительстве которого о переносе могил никто не задумывался. Известно, что помимо могилы начдива, на этом же кладбище были похоронены мать известного писателя Алексея Николаевича Толстого, мать певца Федора Шаляпина, академик и историк С.Ф. Платонов (1860-1933). В наши дни на огромной территории бывшего кладбища располагаются детский парк, носящий имя Щорса, хлебозавод и жилой массив.

При помощи Ферাপонтова, сумевшего вспомнить расположение участка, на котором похоронили Щорса, удалось-таки найти и поднять из земли цинковый гроб с телом начдива. После эксгумации, состоявшейся 16 мая 1949 года, гроб с телом командира был доставлен в местное отделение судебно-медицинской экспертизы для вскрытия и исследования останков. Разрешение на это пришлось получать лично у секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова (1901-1988). Исследование останков Щорса проводилось сотрудниками Куйбышевского медицинского института.

Тогда еще никто не знал, что результаты вскрытия станут настоящей сенсацией и дадут богатую пищу для разговоров об истинных причинах смерти Щорса. Правда, при жизни Сталина попытки поставить под сомнение официальную версию гибели начдива имели лишь единичный характер и по понятным причинам ответного энтузиазма со стороны официальных властей не вызывали. Более активно этот вопрос стал обсуждаться с наступлением «хрущевской оттепели», когда широкому кругу общественности были представлены результаты судебно-медицинского вскрытия.

Задача судебных медиков была значительно облегчена тем обстоятельством, что тело Щорса, находившееся в цинковом гробу, довольно хорошо сохранилось. При извлечении гроба были легко узнаваемы даже характерные черты его лица, на голове сохранилась марлевая повязка. Сомнений в том, что извлеченные останки принадлежали Щорсу, не было ни у кого, тем более, что присутствовавшая при эксгумации Фрума Хайкина опознала тело своего супруга.

Итак, каковы же были результаты судебно-медицинской экспертизы. Согласно выводам специалистов, на черепе Щорса были обнаружены повреждения в виде огнестрельных ранений в затылочной области справа и в теменной области слева. Высказываясь о механизме образования этих повреждений, эксперты были категоричны – они причинены пулей, выпущенной из огнестрельного нарезного оружия. В качестве входного было определено отверстие в правой затылочной части, а в области левой теменной кости, по мнению экспертов, пуля нашла себе выход. Предположительное расстояние, с которого был произведен выстрел, также не осталось без внимания экспертов: по их мнению в Щорса стреляли с расстояния в 5-10 шагов.

Вот с этого момента и пришло время поговорить об альтернативной версии гибели Щорса.

По убеждению сторонников «неэнциклопедической» версии гибели Щорса, командир закончил свой жизненный путь вовсе не от вражеской пули, а был умышленно убит предательским выстрелом в затылок по негласному указанию сверху, а именно, по приказу из Реввоенсовета 12-й армии, а возможно и самого Льва Троцкого. Впрочем, забегая вперед, хотелось бы предупредить читателя о том, что версия о намеренной ликвидации начдива до сих пор не имеет каких-либо «железобетонных» доказательств и является всего лишь гипотезой. Впрочем, аргументы ее сторонников довольно сильны, а потому заслуживают самого пристального внимания.

Первым и самым главным аргументом сторонников версии убийства Щорса является акт судебно-медицинской экспертизы, содержание которого было изложено выше.

Прочие же аргументы базируются на анализе свидетельств очевидцев гибели начдива и событий, так или иначе с нею связанных.

Теми, кто убежден, что Щорс погиб от предательского выстрела сзади, были озвучены даже имена конкретных предполагаемых участников этого преступления.

Так, в качестве наиболее вероятного исполнителя убийства Щорса называется некий Павел Танхиль-Танхилевич, который 30 августа 1919 года находился на поле боя у села Белошица рядом с начдивом. Личность Танхиль-Танхилевича не очень хорошо изучена по причине отсутствия о нем подробных сведений. Впрочем, некоторые детали известны: Павел Самуилович Танхиль-Танхилевич, 1893 года рождения, выходец из Одессы, по национальности еврей, бывший гимназист, в 1919 году в возрасте 25-26 лет стал политинспектором реввоенсовета 12-й армии. Был членом РКП(б). Владел иностранными языками, в частности, французским. Последняя деталь может указывать на его происхождение из благородной семьи. По некоторым данным имел уголовное прошлое, что, впрочем, не может вызывать удивления, т.к. в рядах большевиков в годы гражданской войны насчитывалось немало бывших уголовников.

Версия о причастности к убийству Танхиль-Танхилевича базируется, прежде всего, на показаниях нескольких очевидцев. Так, близкий соратник Щорса еще с унечских времен - С.И. Петриковский, служивший в дивизии командиром кавалерийской бригады, в своих мемуарах рассказывал, что Иван Дубовой спустя несколько часов после гибели командира поведал ему некоторые любопытные обстоятельства о происходивших у села Белошица событиях. Так, со слов Дубового, рядом со Щорсом действительно находился политинспектор реввоенсовета и при этом он также вел бой, стреляя из револьвера по врагу. По какой причине политинспектор оказался во время боя на передовом краю 44-й дивизии – непонятно. Впоследствии, во время допросов в НКВД Дубовой о Танхиль-Танхилевиче не упомянул ни разу.

Неизвестно, также, кто и когда дал Танхиль-Танхилевичу указание ехать с инспекторской поездкой в дивизию Щорса, однако, очевидно, что это не могло быть личной инициативой политинспектора. Одним из тех, кто обладал полномочиями направлять политинспекторов в те или иные подразделения, был член Реввоенсовета 12-й армии

Семен Иванович Аралов, о возможной причастности которого к предполагаемому убийству Щорса мы еще будем говорить.

К слову, о Танхиль-Танхилевиче упоминал в газетной заметке еще в 1935 году К. Квятек, который, рассказывая со страниц украинской газеты «Коммунист» об обстоятельствах гибели Щорса, поведал, что 30 августа 1919 года вместе с командиром и Дубовым на позиции у села Белошица прибыл и некто Танхиль-Танхилевич – уполномоченный реввоенсовета 12-й армии. Дубовой же о присутствии этого человека не говорил ничего. Однако, озвучивая версию гибели Щорса, Квятек не поведал ничего нового – с его слов командир погиб от пули пулеметчика.

О дальнейшей судьбе Танхиль-Танхилевича почти ничего неизвестно. Осенью 1919 года следы политинспектора теряются, известно лишь, что сразу после гибели Щорса его срочно переводят на Южный фронт. Имя Танхиль-Танхилевича всплыло лишь во второй половине 20-х годов в Прибалтике, где он, якобы, работал в эстонской контрразведке.

Впрочем о Танхиль-Танхилевиче есть и другие сведения, порождающие больше вопросов, чем ответов. Так, в некоторых украинских источниках со ссылкой на архивные материалы органов госбезопасности России говорится о том, что Танхиль-Танхилевич был родом из Царицына и в 1919-1920 годах работал в 10-й советской армии, причем все это время находился в Царицыне и Армавире, после чего в мае 1920 года был арестован по подозрению в шпионаже. Эти сведения, в свою очередь, прямо противоречат версии о нахождении Танхиль-Танхилевича в момент гибели Щорса в расположении 44-й дивизии. Вместе с тем, высказывается мнение и о том, что документы о нахождении Танхиль-Танхилевича в год убийства Щорса при 10-й армии были изготовлены специально, для создания алиби на случай каких-либо обвинений.

После того, как стали известны результаты экспертизы, обнаружилось немало и других нестыковок официальной версии гибели Щорса с некоторыми фактами и рассказами очевидцев.

Например, еще до эксгумации тела Щорса, в 1947 году небольшим тиражом вышла в свет книга бывшего бойца щорсовской дивизии Дмитрия Петровского «Повесть о полках Богунском и Таращанском». В ней Петровский утверждал, что во время боя у села Белошица пулеметчик, якобы застреливший Щорса, был в куски разорван артиллерийским снарядом вместе с железнодорожной будкой еще до того, как погиб начдив. Другие бойцы впоследствии тоже вспоминали о том, что в тот момент, когда погиб Щорс, вражеский пулемет уже не стрелял, зато многие отчетливо слышали одиночный револьверный выстрел. Кроме того, Петровский уже тогда, т.е., еще задолго до эксгумации Щорса, прямо писал о том, что Щорс был убит предательски выпущенной ему в затылок пулей. Правда, эти строки имелись лишь в первом издании книги Петровского. Из всех последующих они были изъяты.

Об этом же, спустя 15 лет, написал в своих мемуарах уже упомянутый выше Петриковский. Более того, тщательно проанализировав все обстоятельства гибели командира, он прямо поставил под сомнение официальную версию его смерти, высказав мнение, что Щорса убили умышленно и сделал это, вероятнее всего, Танхиль-Танхилевич при содействии или с молчаливого согласия Дубового, с которым политинспектор, по словам Петриковского, имел довольно тесные взаимоотношения. В частности, Петриковский отмечает тот факт, что Танхилевич, неоднократно приезжая в дивизию, всегда останавливался у Дубового.

Из воспоминаний С.И. Петриковского (1962 год):

«...30 августа Щорс, Дубовой, я и политинспектор из 12-й армии собрались выехать в части вдоль фронта, думали о том, чтобы на месте решить возможность несколько отодвинуть противника от Коростеньского узла. Автомашина Щорса, кажется, ремонтировалась. Решили воспользоваться моей машиной. Тогда были моими шоферами Прокофьев Петр Петрович (старший) и его помощник Кассо Зиновий Аронович (помощник), и Прокофьев Филя (2-й помощник), брат Петра Петровича. ...В день 30 августа 1919 года Петр Прокофьев болел, вместо него за рулем сидел Кассо. Машина была сильной, пятиместной. Выехали 30-го днем. Спереди сидел Кассо и я рядом с ним, на заднем сидении сидели Щорс, Дубовой и политинспектор. На участке Богунской бригады Щорс решил задержаться. Договорились, что я на машине еду в Ушомир с тем, что, приехав на место, я посылаю машину за ними и тогда они приедут в Ушомир в кавбригаду и захватят меня обратно в Коростень. Приехав в Ушомир, я послал за ними машину, но через несколько минут по полевому телефону сообщили, что Щорс убит на участке Богунской бригады. Я поскакал верхом в Коростень, куда его повезли. Шофер Кассо вез уже мертвого Щорса в Коростень. Кроме Дубового и медсестры... на машину нацеплялось много всякого народа, очевидно, командиры и бойцы. Щорса я увидел в его вагоне. Он лежал на диване, его голова была сильно забинтована (обмотана марлей). Дубовой был почему-то у меня в вагоне. Он производил впечатление человека возбужденного, рассказывал мне несколько раз, повторял, как произошла гибель Щорса, задумывался, подолгу смотрел в окно вагона. Его поведение тогда мне показалось нормальным для человека, рядом с которым внезапно убит его товарищ. Не понравилось только одно, вернее как то насторожило в тот день. Эта тревога определилась у меня в ту ночь, когда я перебирал в памяти события прошедшего дня. Мне Дубовой несколько раз начинал рассказывать, стараясь придать несколько юмористический оттенок своему рассказу, как он услышал слова красноармейца, лежащего справа: «Какая это сволочь с «ливорверта» стреляет». Красноармейцу на голову упала стреляная гильза. Стрелял из браунинга политинспектор, по словам Дубового. Даже расставаясь на ночь, он мне вновь рассказал, как стрелял политинспектор по противнику на таком большом расстоянии из браунинга и как красноармеец сказал: «Какая это сволочь с «ливорверта» стреляет? ...Возвратимся к событиям 30 августа 1919 г. Я больше не видел политинспектора 12-й армии. Мне товарищи называли даже его фамилию. Она у меня записана. Но я не уверен в ней. Это был человек лет 25-30. Одет в хорошо сшитый костюм, хорошо сшитые сапоги, в офицерском снаряжении. В хорошей кобуре у него находился пистолет системы «Браунинг», никелированный. Я его запомнил хорошо, так как этот политинспектор, будучи у меня в вагоне, вынимал его и мы его рассматривали. По его рассказам, он родом из Одессы. Проходя по российским тюрьмам, я насмотрелся уголовников. Этот политинспектор, почему то,

на меня произвел впечатление бывшего «урки». Не было в нем ничего от обычного типа политработника. Приезжал он к нам дважды. Останавливался у Дубового. Его документ, что он политинспектор, я видел своими глазами. Выстрел, которым был убит Щорс, раздался после того, как замолк пулемет (рассказ медсестры Богунского полка и некоторые другие рассказы товарищей, находившихся вблизи). Я допускаю случайное убийство. Политинспектор волновался, а может быть, и струсил. Первый бой. Возбуждение. Свой случайно убил своего. Бывало. Что тогда? Свои разберутся. Осудят. Быть может, даже под суд отдадут. Но при неумышленном убийстве всегда все таки потом простят, поймут. ... Пулемет противника стрелял слева. Щорс был убит уже после того, как он лег на землю. Убит пулей, вошедшей сзади справа в затылок и вышедшей несколько слева в области темя. Следовательно, стрелявший тоже лежал. Никак не мог Щорс повернуть так на 180 градусов свою голову в сторону противника. При стрельбе пулемета противника возле Щорса легли Дубовой с одной стороны, политинспектор с другой. Кто справа и кто слева я еще не установил, но это уже и не имеет существенного значения. Я все таки думаю, что стрелял политинспектор, а не Дубовой. Но без содействия Дубового убийство не могло быть. Зная любовь людей к Щорсу, кто бы рискнул пойти на убийство? Только опираясь на содействие власти в лице заместителя Щорса, Дубового, на поддержку РВС 12-й армии, уголовник совершил этот террористический акт. Бинтовал голову мертвого Щорса тут же на поле лично сам Дубовой. Намотал бинта очень много. Когда медсестра Богунского полка Анна Розенблюм предложила перебинтовать аккуратнее, Дубовой сказал, что не надо. По приказанию Дубового тело Щорса без медицинского обследования и составления акта, немедленно отправлено на родину для погребения. Обследования и расследования произведено не было. Штаб 12-й армии в это время переезжал из Киева в новое место. По дороге в Клинцах или в Новозыбкове тело встретила Ростова, Щаденко, Гольдштейн. Там тело положили в цинковый ящик, запаяли, уложили в гроб и отправили дальше на север...».

Сестра начдива Ольга Александровна впоследствии вспоминала рассказ одного из бойцов-щорсовцев о том, как после гибели командира, на объявлении личному составу приказа о вступлении Дубового в должность начдива, кто-то из богунцев хотел выкрикнуть по этому поводу свое неудовольствие, но товарищи осекли его, якобы со словами: «Молчи! Тоже хочешь пулю получить?».

Очевидно, многое об истинных причинах смерти Щорса знала и его вдова, Фрума Хайкина. Однако, каких-либо публичных откровений на этот счет от нее никто никогда не слышал. Имеются лишь косвенные ссылки на рассказы Хайкиной об этом. Так, известный ученый Сергей Петрович Новиков (род. в 1938), который очень тесно общался с физиками-теоретиками Института Ландау и в частности, был вхож в семью Валентины Щорс и Исаака Халатникова, в своей книге «Мои истории» записал такие строки:

«...Валя Щорс - жена Халата, нашего директора - рассказывала мне со слов матери, которая была высокого ранга работником ЧК-НКВД еще с 1917-18г.: Щорс, ее отец, комполка или комбриг, поссорился с реввоенсоветом. Это была система, контролируемая Троцким. Приехал какой-то тип. Когда во время боя Щорс высунулся из окопа с биноклем, пуля попала ему в затылок, сзади. Щорса объявили героем, об нем пели песни, как и о Кирове...».

Сторонниками версии умышленного убийства Щорса в качестве одной из причин его ликвидации называется глубокая личная неприязнь, существовавшая между Щорсом и Семеном Араловым – членом Реввоенсовета 12-й армии, в которую входила дивизия Щорса. В частности, в 60-х годах об этом прямо писал С.И. Петренко-Петриковский.

Семен Иванович Аралов (1880-1969) – старый большевик со стажем. В годы гражданской войны возглавлял Регистрационное (разведывательное) управление Полевого штаба Реввоенсовета и считается отцом-основателем современного ГРУ. После гражданской войны работал на дипломатических должностях в системе Наркомата иностранных дел, затем в ВСНХ СССР, в Наркомфине и Государственном Литературном музее. В годы Великой Отечественной войны Аралов служил помощником начальника оперативного отделения штаба 21-й дивизии народного ополчения и начальником трофейного отдела в штабе 33-й армии. С 1946 года Аралов занимался партийной работой, а с 1957 года вышел на пенсию. Скончался 22 мая 1969 года, похоронен на Новодевичьем кладбище Москвы.

С.И. Аралов

Аралов был весьма близок к самому Льву Троцкому и имел возможность сообщать тому любые сведения о Щорсе и его дивизии, преподнося их в крайне негативном свете. И могущественный Троцкий вполне доверял поступающей от Аралова информации. Основные обвинения, исходившие от Аралова в адрес Щорса, сводились к ненадежности командира и его бойцов в «деле революции», «партизанщине», самоволию, отсутствию дисциплины, антисемитизме. По существу последнего обвинения заметим, что авторы отдельных публикаций прямо называют Щорса махровым антисемитом.

Подлинное отношение Щорса к «еврейскому вопросу» нам неизвестно, однако, скажем, что вышеозначенные

обвинения никак не вяжутся с логикой. В частности, известно, что супругой и любимой женщиной Щорса была Фрума Хайкина – чистокровная еврейка. Уже, исходя из одного этого, мы вряд ли ошибемся, если скажем, что обвинения Щорса в махровом антисемитизме имеют под собой мало оснований. А вот существовали ли антисемитские настроения среди личного состава щорсовской дивизии – сказать сложно. С высокой долей вероятности можно утверждать, что они существовали и периодически проявлялись в крайних формах, т.к. дивизия была разношерстной, составленной в основном из коренных жителей украинской провинции, а в Украине, как известно, градус враждебности к евреям был традиционно высоким во все времена. Николай Полетика и вовсе считал Украину «исторической родиной еврейских погромов».

Еврейские общины Черниговской губернии, да и всей Украины в целом, страдали от систематических погромов на протяжении всей гражданской войны. У того же Николая Полетика мы можем встретить уже прямые обвинения в адрес богунцев. Так, Полетика утверждал, что в мае 1919 года солдаты Богунского полка учинили еврейский погром в городе Золотоноше Полтавской губернии. В связи с этим отметим, что богунцы действительно в мае 1919 года находились в Золотоноше, где участвовали в подавлении григорьевского мятежа. При этом, в некоторых источниках сообщается, что богунцы, участвуя в боях против григорьевцев, попутно расстреливали и коммунистов.

Впрочем, справедливости ради отметим, что представители антибольшевистских сил по отношению к евреям отличались еще большей жестокостью.

В отдельных своих донесениях в Москву Аралов не стеснялся в выражениях, прямо называя бойцов Щорса «контрреволюционерами», «украинской бандой», «сборищем бандитов», всячески стараясь подчеркнуть, что Щорс, по своей сути, является человеком, враждебным делу и духу большевизма.

Возникает вопрос – почему же Аралов просто не арестовал Щорса, как это в годы гражданской войны было сделано с многими военачальниками, обвиненными в партизанщине и антибольшевизме. В качестве наиболее вероятного ответа на этот вопрос, назовем банальную боязнь Москвы взорвать ситуацию внутри дивизии, где Щорс обладал большим авторитетом и его арест мог повлечь непредсказуемую реакцию, вплоть до прямого неповиновения и перехода личного состава в стан антибольшевистских сил, как это произошло с дивизией Н.А. Григорьева. Подобный сценарий событий неминуемо означал бы для большевиков потерю всего фронта к западу от Киева. При таких обстоятельствах устранение Щорса под видом его геройской гибели, якобы от петлюровской пули, было куда более предпочтительным вариантом.

40 лет спустя, Аралов в мемуарах о гражданской войне так напишет о Щорсе: «К сожалению, упорство в личном поведении привело его к преждевременной гибели». И в тех же мемуарах содержится весьма любопытное утверждение Аралова о том, что впервые о гибели Щорса он узнал лишь 8 сентября 1919 года. Скажем прямо – в это невозможно поверить, т.к., маловероятно, чтобы в Реввоенсовет армии в течение целой недели не поступило никаких сообщений относительно смерти начальника крупной дивизии. И это притом, что весть о гибели Щорса уже была напечатана в дивизионной газете «Красная Правда» от 4 сентября 1919 года и вообще вряд ли в те дни в войсках можно было найти человека, который не знал бы о гибели начдива.

Говоря об обвинениях Щорса в партизанщине, следует признать, что для этого у Аралова некоторые основания все-таки имелись. Украинские дивизии, которые, подобно Богунскому полку, формировались из разношерстных партизанско-повстанческих отрядов, имели свою специфику, которая в общих чертах может быть обозначена такими терминами, как «атаманщина» или «батьковщина». Зачастую с командирами таких подразделений было сложно найти общий язык и уж тем более трудно было заставить их беспрекословно выполнять приказы армейского начальства. В свою очередь, и самим командирам было нелегко организовать дисциплину в своих частях, поскольку в них служил не самый простой контингент. К примеру, в Богунском полку служил Иван Алексеевич Васильчиков, более известный как атаман Галака (Галако). При освобождении Чернигова от петлюровских войск он был уличен в мародерстве, арестован и предан военному трибуналу. Однако, ему удалось бежать. В 1920 году Васильчиков организовал уголовную банду, которая действовала в лесах украинского и белорусского Полесья, в районе Чернигова и Гомеля, грабя и убивая население, особенно еврейское. Впоследствии банда атамана Галаки имела связи с различными силами антисоветского толка, в связи с чем сегодня в Украине предпринимаются попытки представить деятельность Галаки как национально-освободительную. В 1921 году атаман Галака был ликвидирован органами ЧК.

В целом, отдельные украинские командиры в идеологическом плане никак не отвечали ожиданиям московских большевиков. Например, тот же батька Боженко, в ответ на назначение в войсках политкомиссаров заявил, что если «будете давить нас, перейдем на сторону Петлюры». Разумеется, подобные вещи расценивались как опасное самовольство, которого терпеть не мог Троцкий, стремившийся к созданию кадровой профессиональной армии с жестким подчинением вышестоящему командованию. Сегодня с высокой долей вероятности мы можем предположить, что высшее большевистское командование в 1919 году рассматривало своенравного Щорса как ненадежного «попутчика», от которого при случае не прочь было избавиться. Если проводить параллели с другими известными украинскими деятелями времен гражданской войны, то судьба Щорса в каких-то моментах схожа с судьбой Нестора Махно. Тот, со своей гуляйпольской братией оказал большевикам немало услуг, воюя с Петлюрой, Григорьевым и в первую очередь с белогвардейцами. Некоторое время Махно даже находился в прямом подчинении командованию Красной Армии, награждался орденом Красного Знамени, однако, его вольный нрав и нежелание подчиниться Москве заставили большевиков ликвидировать армию прославленного батьки, а сам он избежал гибели, перебравшись за границу.

Еще более яркий пример неподчинения большевикам продемонстрировал атаман Николай Александрович Григорьев (1878-1919), который, будучи командиром 6-й украинской советской дивизии, 7 мая 1919 года поднял мятеж и выступил против большевиков. Учитывая, что в подразделении Щорса служил контингент, весьма схожий по

менталитету с теми же махновцами и григорьевцами, для которых главным авторитетом был не воинский устав и комиссар, а «батя», у большевистского командования были немалые основания опасаться развития событий в щорсовской дивизии по аналогичному сценарию.

Добавим также, что в постсоветское время была обнаружена переписка Льва Троцкого с командованием 1-й армии, в которую входила дивизия Щорса, где нарком давал указания провести «строгую чистку и освежение командного состава» дивизии, а также замены его представителями других национальностей, так как все «украинцы с кулацкими настроениями».

О субординационных проблемах, имевшихся между украинскими формированиями и советским армейским командованием, писал в своих воспоминаниях и Николай Полетика:

«...Я сам видел, как комиссары Советского правительства Украины в 1919 году не могли заставить Богунский и Таращанский полки повиниться своим приказам».

В некоторых источниках приводятся свидетельства о том, что в мае 1919 года солдаты Богунского полка срывали с себя кокарды, со словами, что это «жидовские звезды».

Впрочем, известны и отличные от араловских оценки дивизии Щорса. Так, нарком по военным и морским делам УССР Подвойский, в докладной записке Ленину от 15 июня 1919 года сообщал, что наиболее боеспособной на украинском фронте он считает дивизию Щорса.

В связи с этим, акцентируем внимание на том, что полярно противоположные доклады Подвойского и Аралова о положении дел в дивизии Щорса по времени разделяло все лишь пару недель.

В целом, все исследователи биографии Щорса приходят к выводу о том, что у начдива был непростой характер и в связи с этим отношения с вышестоящим командованием тоже складывались весьма не просто. Стремление до конца отстаивать свою точку зрения красноречиво характеризует эпизод телеграфных переговоров Щорса от 15 августа 1919 года с командующим 12-й Украинской армией Семеновым, в которых последний призывал Щорса бросить в бой молодых и необстрелянных курсантов.

«Командарм: Ближайшими резервами для вас могут служить курсанты.

Щорс: Курсантов я не дам. Я буду отступать вплоть до Москвы, но курсантов не дам. Это значит погубить все. У нас еще впереди много предстоит, это будет на один заряд. Я заявляю: я пойду с курсантами, но меня больше совсем не будет, ни курсов, ни меня.

Командарм: Этого требует положение.

Щорс. Если вы решили все принести в жертву, что тоже не спасет положение, давайте приказание последнее, но заявляю, что больше для меня приказаний не нужно будет, ибо меня не будет, я умру с честью».

По мнению ряда исследователей, ко второй половине 1919 года Щорс, глубоко разочаровавшись в военной и политической доктрине советской власти, всерьез обдумывал возможность отмежеваться от большевиков и перейти на сторону Украинской Народной республики. Такое же мнение высказывается и о двух других близких к Щорсу командирах – Черняке и Боженко. Оба они также погибли при достоверно не выясненных обстоятельствах в том же августе 1919 года. Впрочем, какими-то объективными доказательствами того, что Щорс рассматривал подобные варианты, мы не располагаем.

Завершая тему о причинах гибели Щорса, добавим, что, помимо двух главных версий, существует и еще одна, согласно которой, Щорса, якобы ликвидировал известный революционный деятель Павел Дыбенко. Впрочем, при тщательном анализе событий 1919 года, связанных со Щорсом, становится очевидным, что эта версия не выдерживает критики.

Так или иначе, но достоверно назвать истинную причину гибели Щорса мы пока не в состоянии...

После проведения необходимых мероприятий, 10 июля 1949 года Щорса перезахоронили со всеми подобающими почестями на новом кладбище в Самаре. Из родственников в процессии принимали участие вдова начдива Ф. Ростова с дочерью Валентиной, его младшая сестра Ольга Александровна. К слову, последняя, после войны почти 20 лет работала в родном городе директором музея имени Н.А. Щорса.

Со временем на могиле Щорса в Куйбышеве появился новый гранитный монумент, к которому уже несколько поколений самарцев на протяжении многих лет приносят цветы.

В Унече именем Щорса была названа улица, а в 1957 году напротив железнодорожного вокзала был установлен памятник начдиву, изготовленный брянским скульптором Г.Е. Коваленко. Рядом с памятником Щорсу в Унече в конце 80-х годов прошлого века был разбит сквер, который ранее назывался «Комсомольский». В 1991 году памятник в связи с его износом заменили на новый, изготовленный киевскими мастерами под руководством скульптора В.М. Иваненко. К слову, у киевлян уже имелся опыт возведения памятника Щорсу. В украинской столице бронзовый начдив появился в 1954 году на бульваре Шевченко, а позировал скульптору ни кто иной, как Леонид Кравчук – будущий первый президент независимой Украины, а тогда – юный студент Киевского университета.

Старый памятник Щорсу

Новый памятник Щорсу

Фрума Хайкина надолго пережила своего легендарного супруга. Она носила фамилию Ростова (по некоторым данным это была ее старая партийная кличка), изредка именуя себя Ростовой-Щорс. Занималась организацией «щорсовского движения» в СССР, писала и издавала книги о Щорсе, ездила по стране с лекциями о Щорсе, встречалась с ветеранами. Хайкина в качестве консультанта принимала участие в съемках знаменитого фильма Довженко. Будучи в статусе «вдовы героя», Хайкина и ее родственники получали от государства существенные материальные привилегии и могли позволить себе немного больше, нежели простые смертные.

После смерти командира Хайкина родила от него дочь, которую назвала Валентиной, дав ей фамилию отца. Фрума Хайкина умерла в Москве в августе 1977 года и похоронена на одном из столичных кладбищ.

Несомненно, Щорс был талантливым и смелым солдатом, жестким командиром. За каких-то полтора года юный Щорс прошел путь от главы разношерстного партизанского отряда до командира крупной дивизии. За ним не числится каких-то эпохальных сражений и побед, но тем не менее, в советские времена его имя было овеяно ореолом славы.

Так был ли Щорс героем? Это вопрос дискуссионный. Десятки тысяч сынов России и Украины воевали друг против друга на родной земле, где еще недавно вместе сеяли хлеб. Одни несли над головой красный флаг, другие - российский триколор, третьи - жовто-блакитный прапор, четвертые - флаг Гуляйпольской республики... За кем из них было больше правды? Бог разберет...

Бывают ли герои в братоубийственной гражданской войне? Решайте сами...

И не смолкает грохот битв
По всем просторам южной степи
Средь золотых великолепий
Конями вытоптаных жнив.

И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас — тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами».

А я стою один меж них
В ревушем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.
(М. Волошин)

В 1918 году в Унече была создана первая комсомольская ячейка, первым секретарем которой стал комсомолец по фамилии Буссе.

К лету 1919 года было принято решение об изъятии западных районов современной Брянщины из состава Черниговской губернии и передаче их в состав Гомельской – первой новой губернии, которую создало советское руководство.

Еще раньше, 15 февраля 1919 года по вопросу образования Гомельской губернии состоялось специальное совещание представителей Гомельского, Могилевского, Рогачевского, Суражского уездов и особоуполномоченного Совнаркома Гопнера. По вопросу, касающемуся подчинения нашего региона Гомелю, в принятой совещанием резолюции было сказано следующее: «...совещание находит, что Гомель является фактическим центром, как в экономическом так и в административном отношении для северной части (уездов: Новозыбковского, Суражского, Стародубского и Мглинского) Черниговской губ. и (Речицкого, Мозырского) Минской губ., присоединение коих уездов к реорганизуемой губернии является настоятельно необходимым...».

В июне 1919 года Унечу посетил Председатель ВЦИК М.И. Калинин, который совершал агитационную поездку на бронепоезде от Новозыбкова до Брянска, выступая на каждой станции на митингах и собраниях.

Юридически Гомельская губерния оформилась в июле 1919 года. Из числа бывших черниговских территорий в ее состав вошли Суражский, Мглинский, Почепский, Стародубский и Новозыбковский уезды.

Территория современного Унечского района по-прежнему была разделена между тремя уездами – Суражским, Мглинским и Стародубским. Без изменений осталось и волостное деление.

Любопытный факт – будучи уже фактически вне юрисдикции Черниговской губернии, партийные организации некоторых уездов, в частности Суражского, относились к Коммунистической партии большевиков Украины. Этот факт подтверждается соответствующими документами, сохранившимися в Гомельском архиве. Это в основном партийные документы 1919 - 1921 годов по Новозыбковскому и Суражскому уездам (Унеча входила в Суражский уезд).

В сентябре 1919 года в одну административную единицу с центром в Почепе были объединены Почепский и Мглинский уезды, включая восточную часть современного Унечского района (Павловская, Ивайтенская и Старосельская волости). Новый уезд вскоре был включен в состав Брянской губернии. Однако, нашего города эти преобразования не коснулись – Унеча осталась в составе Гомельской губернии. В июле 1921 года утратил статус уездного центра Сураж: новой столицей уезда стали Клинцы. Соответственно, название уезда также поменялось на Клинцовский, в составе которого оказалась и станция Унеча.

В ноябре 1919 года в районе Новозыбкова, Клинцов и Унечи располагалось руководство 12-й армии, которая на тот момент выполняла стратегические задачи по борьбе с деникинскими войсками.

В целом, отметим, что в нашем регионе в период гражданской войны не велось никаких боевых действий и установившаяся здесь в 1917 году советская власть не имела даже кратковременных альтернатив. Впрочем, некоторую активность проявляли отдельные политические движения. Так, в самом начале двадцатых годов в соседних Клинцах существовал «Союз анархистов-синдикалистов».

Идеологи анархо-синдикализма считали высшей формой организации трудящихся профсоюзы (по-французски –

синдикаты, отсюда и название синдикализм), к которым должны перейти средства производства. Выступали за тактику экономического саботажа и бойкота. Клинцовские анархисты распространяли в нашем регионе пропагандистскую литературу, организовывали лекции и диспуты. Однако, будучи по-сути своей антисоветским движением, анархо-синдикализм был обречен. Уже в 1921 году клинцовские анархисты перешли на нелегальное положение, а вскоре и вовсе перестали существовать.

Еще раньше, вооруженный отряд анархистов действовал в Мглинском уезде и возглавлял его местный уроженец Марк Лобанов, который до Февральской революции отбывал каторжный срок в Сибири. Вернувшись во Мглин, Лобанов организовал отряд анархистов из 20 человек, расположив свой штаб в бывшем купеческом доме. На балконе второго этажа этого дома было водружено черное знамя, на котором красовалась надпись «Анархия - мать порядка». Несмотря на то, что анархизм в России считался крупным политическим движением, назвать деятельность лобановского отряда политической не поворачивается язык. Лобановцы занимались преимущественно террором, насилием, грабежами и пьянством. Банда Лобанова, никому не подчиняясь, промышляла налетами на селения Мглинского и соседних уездов, грабя население. Летом 1919 года Лобанов вступил в прямой конфликт с уездным исполкомом и в начале августа 1919 был убит красноармейцами во время операции по его задержанию в родном селе Луговка. После смерти Лобанова, основные его сподвижники были арестованы и осуждены уездной ЧК к высшей мере наказания.

Советская власть в годы гражданской войны активно привлекала на военную службу население из подконтрольных ей регионов, в числе которых были и бывшие северные уезды Черниговщины. В частности, по 1920 году сохранились списки граждан Ивайтенской волости, родившихся в 1901 году, подлежащих мобилизации на военную службу. Среди них значится несколько десятков жителей Ивайтенки, Вялек, Плевков, Горян, Жуково, Задубенья, Бородинки, Бороздино, Рассухи, Гудово.

Помимо военной мобилизации, местные власти широко практиковали и привлечение местного населения к обязательной общественно-трудовой повинности. Так, известен документ 1920 года, согласно которому Почепский уотком поименно предписывал жителям Ивайтенской волости явиться 7 марта 1920 года на обязательные работы по заготовке топлива.

Служили наши земляки и в составе Белой армии. Как мы уже упоминали на предыдущих страницах, в годы гражданской войны в составе армий Деникина и Врангеля против большевиков сражался, неся большие потери, 12-й Стародубовский драгунский полк. В частности, известно, что в 1920 году эскадроны стародубцев находились в Крыму и вероятно, большая часть личного состава полка в ноябре того же года навсегда покинула берега России. Дальнейшая судьба Стародубского полка неизвестна. Вероятно, на период так называемого Галлипольского сидения (временная дислокация остатков Белой армии в лагере на Галлипольском полуострове в Турции в 1920-1922 годах) Стародубовский полк формально еще существовал. Затем, как известно, части бывшей Белой армии постепенно стали ликвидироваться, а ее солдаты и офицеры в поисках лучшей доли разбрелись по странам и континентам.